Давай поиграем, дракон!

Автор:
Даха Тараторина

Давай поиграем, дракон!

Даха Тараторина

Кодовое имя: Пижма. Должность: агент по безопасности класса А. Место дислокации: вынужденный переход через междумирье, Лимб. Задание: охрана дракона; способствование алхимическим экспериментам. Особые условия: сотрудничество с советом магов; свадьба с драконом (по необходимости). Внизу досье приписка от руки кривым почерком: «ХОТЬ БЫ ОДНА ТВАРЬ ПРЕДУПРЕДИЛА, ЧТО МНЕ ДОСТАЛСЯ ДРАКОН-НЕУДАЧНИК!»

Автор иллюстрации Ирина Василенко

Глава 1. Драконы, берегитесь женщин!

– Приве-е-е-ет, красавчик!

Стройная подкачанная ножка, обнажённая аж до колена, выглянула из-за стены пещеры, эффектно выделяясь на фоне солнца. Ножка дрыгнула разок-другой, но, сообразив, что должного эффекта представление не возымело, её обладательница высунулась целиком.

– Ау-у-у-у! Ку-ку, мой мальчик! – кокетливо заправила она за ухо коротенькую, тут же снова упрямо встопорщившуюся жёсткую прядь. – Хей! – гаркнула девица уже не чувственным голоском юной соблазнительницы, а хрипловатым басом отставного полковника. – Ты дракон или где? Невинная, зуб даю, дева тут бродит. Одна, понимаешь, беззащитная! Ну ты где? – закончила гостья совсем раздосадовано, щурясь в темноту норы после яркого летнего света.

В темноте что-то звякнуло, а потом хрустнуло, кто-то испуганно ойкнул, выругался и закашлялся. Наконец, послышался характерный скрежет огнива, знакомый прелестнице по марш-броскам в полевых условиях, и на каменном своде проявилась огромная тень. Как и полагалось тени дракона, она оказалась хвостата, крылата и сурова, поэтому девушка, хоть и подготовленная нанимателями к встрече, всё равно нервно сглотнула слюну.

Из глубины пещеры загрохотало:

– Как смеешь ты, смертная, – сорвалось на фальцет, снова прокашлялось и продолжило рокотать: – Как смеешь ты тревожить покой великого и ужасного…

– Волшебника страны Триндец? – подсказала девушка, восхищённо колупая пальцем огромный валун у входа: надо же! Как настоящий камень, но формой точно напоминает дверь! То ли девушка оказалась сильна, то ли валун отжил своё, но выступ, символизирующий, видимо, ручку, треснул и отвалился. Вредительница кинула скептический взгляд в сторону перечисляющего свои злодеяния хозяина пещеры и, пока тот не вышел на звук, ногой откинула осколок подальше.

– …в общем, поэтому уходи подобру-поздорову, а не то изведать тебе моей жестокости! – скомкано закончил он.

– Предпочту изведать вашего гостеприимства, о великий и ужасный!

Дракон опешил:

– Я – дракон, – на всякий случай предупредил он и растопырил крылья, чтобы на тени их стало видно более отчётливо.

– Да? – почти натурально изумилась девушка. – А мне показалось, хомячок.

Хищник тут же заинтересовался:

– Кто такой хомячок?

– Эм… Это такой страшный зверь. Водится в моей далёкой-далёкой стране. Гроза рыцарей. Питается детьми и женщинами. Предпочитает девственниц.

– Сдох? – как само собой разумеющееся подвёл итог дракон.

– Пока нет, но голодает.

Дракон траурно чихнул.

– Ну вот да, я, считай, хомячок. Гм… Слово какое-то неубедительное, ну да ладно. Я – жестокий кровожадный хомячок, поэтому уходи, пока цела!

– Серьёзно? – подбоченилась несостоявшаяся жертва. – То есть, ты сейчас мне говоришь, что я зря стоптала ноги в этих ваших якобы модных туфлях, нарядилась в уродское платье, – она злобно дёрнула за и так держащуюся на честном слове оборку юбки, – добиралась пешком по буеракам, горам и… надеюсь это всё-таки были островки чернозёма, и зря?!

– Ну… Ты можешь сохранить жизнь? – неубедительно предложил дракон.

Девица неумолимо скрестила руки на груди: она явилась, чтобы её полноценно и качественно похитили! И дракону придётся воплотить в жизнь эту заманчивую, хоть и слегка мейнстримную фантазию. Агент Пижма ещё не провалила ни одного задания, и это не станет первым, даже если придётся выкрутить крылья проклятому ящеру!

– Так, всё. Я захожу! – объявила она.

– Нет, стой! – взмолился дракон. Тень испуганно замахала лапками. – Не входи! Я… Я… Я не одет!

– Чего я там не видела! – фыркнула Пижма, не уточняя, что, вообще-то на драконов она никогда прежде не смотрела ни в каком виде: ни в голом, ни в одетом. Первый, пожалуй, интереснее. Исключительно с зоологической точки зрения!

– Не входи!

– Тогда похищай меня, как положено!

– Я не знаю, как, кем и куда положено!

– Импровизируй!

– Не умею!

– Да что за мужики пошли?! – агент засучила слишком длинные рукава слишком женственного платья (эх, вернули бы ей её любимый камуфляж!) и приготовилась к бою, из которого полагалось выйти победителем лишь одному. И он, чёрт возьми, выйдет победителем, хочет того сам или нет!

Но прежде чем Пижма, из-за аутентичной непроглядной тьмы пещеры чуть медленнее, чем могла бы, нащупала поворот коридора, дракон снова издал неприличный звук, выругался и лопнул. То есть, лопнул он, конечно, не бесповоротно, это было бы совсем обидно, но вместо огромного чешуйчатого зверя навстречу выскочил встрёпанный, ободранный, тощий, как дворовый кот, и абсолютно голый мужчина.

– Приве-е-ет, – куда более заинтересованно повторила агент, глядя совсем не туда, куда глядят при знакомстве приличные девушки.

– Сказал же, что не одет… – смущённо прикрылся руками дракон.

* * *

Девушка спустила курок, перекувырнувшись через голову, преодолела расстояние от одного импровизированного укрытия до другого, с трудом

втиснулась за барную стойку, упёрлась в профессионально наетое пузо охраняемого лица, и приложила палец к уху:

– Объект под прикрытием! Повторяю: я прикрываю объект!

В ответ послышалось одобрительное шипение.

Угораздило же этого обжору вылезти из бронированного мерса прямо сейчас! Не мог дотерпеть до конца её смены? Нет, не мог! Его сиятельство возжелало сливочный латте с тройной порцией сиропа здесь и сейчас, а что их пасли от самого бизнес-центра, его не волнует. Не для того он нанимал элитного телохранителя, чтобы бояться сделать шаг вне квартиры!

Агент Пижма грязно выругалась, убедившись, что, хоть нападавших и стало на одного меньше, надевать траур и безутешно рыдать остальные трое не спешили, предпочитая почтить память товарища местью.

Прикрываемый объект продолжал сжимать толстенькими пальчиками напиток с уже сбитой сливочной пеной и подрагивал испачканными в шоколаде губёшками:

– Сделайте что-нибудь! Я буду жаловаться! Вы уклоняетесь от должностных обязанностей! Выйдите из укрытия и перебейте их всех! – толстяк попытался мотивировать телохранителя, подпихивая жирной ляжкой, за что тут же получил по ней опустевшей обоймой, которую Пижма только что извлекла из ствола.

– Вот сам туда и выходи, мудила, – спокойно добавила она, рассматривая затаившихся бойцов в отражении кофемашины.

– Да как вы смеете! – лоснящиеся пальцы требовательно вцепились в волосы телохранителя, но в руке остался только блондинистый парик.

Пижма ухмыльнулась щербинкой между передними зубами, метко сквозь неё сплюнула и, с наслаждением освободив жёсткий ёжик волос от сетки, раздельно повторила:

– Му-ди-ла.

Самым глупым решением было отвернуться. Мудила оказался не только трусом, но ещё и идиотом: завизжав, как подбитая сука, он с силой опустил тяжёлый стеклянный стакан на голову своей последней защитнице.

В затухающем мозгу агента Пижмы ещё успело всколыхнуться желание выдать толстяка наёмникам, причём, желательно, по частям, но претворить его в реальность она не успела.

Спина затекла почти сразу. Пижма хотела перевернуться на бок и снова уснуть, но многолетняя привычка потребовала проанализировать ситуацию: шишка на затылке болела, не позволяя упустить из памяти последнее произошедшее событие, желание отрезать пухленькие ножки маленькому гадёнышу тоже никуда не делось, значит, случившееся не вьетнамский флэшбек, не алкогольный угар и не следствие просмотренных на ночь боевиков.

Спине твёрдо, а ноги замёрли до ужаса, зато кожей стоп можно почувствовать материал лежака. Холодный, шершавый. Бетон? Камень? На кровать точно не похоже, как и на пол собственной прихожей, на котором, что уж греха таить, Пижма пару раз вырубалась. Значит, она всё-таки провалила задание. Чёрт! Тысяча двести тридцать четыре успешных дня и фиаско из-за истеричного придурка! Нет, она его не четвертует. Она усадит его перед телеком и заставить смотреть четвёртый канал с их идиотскими сериалами. Вечно! Дьявольский смех так и рвался наружу, но агент умирать не желала, поэтому продолжила якобы бессознательно и недвижимо лежать на месте.

Как ни обидно признавать, но спектакль не возымел эффекта: за ней никто не следил, охрана отсутствовала или была столь профессиональной, но ни разу не шаркнула ногой, не сморкнулась и не хмыкнула. Впрочем, камеры никто не отменял.

Когда послышались шаги, Пижма уже чувствовала себя взведённой пружиной.

– Господин, позвольте представить решение нашей проблемы, – высокий голос выдавал подобострастные нотки.

В ответ прозвучало усталое, но значительно более уверенное:

– Не нравится мне ваша затея, Лоренцо, совсем не нравится.

– Сир, не поймите меня неправильно, но иным способом действовать весьма… Проблематично. Мы по закону не имеем права мешать Леонарду, а его матушка явно не позволит…

– Не упоминай при мне эту гарпию!

– Простите, сир! – голос стал тише, как если бы его владелец склонился в унизительном поклоне. – Но выслушайте! Никто в нашем мире фактически не может как-либо приструнить Леонарда. Мы связаны по рукам и ногам, а дракон, как вы понимаете, весьма опасен и может начать сам устанавливать правила, – многозначительно подчеркнул он последнюю фразу.

– Если захочет.

– Разумеется, сир. Дракон вообще может сделать всё, что захочет, и никто ему не указ! Но мы бессильны. Любое действие против него, пока нет задокументированного и оправдывающего нас повода – преступление. Никто из жителей Лимба не может ему помешать!

– И чем же нам поможет она?

– Она не житель Лимба, – торжественно объявил голос-Лоренцо.

– И не подчиняется его законам! – восхищённый шёпот его собеседника.

– Именно, сир! Вы, как всегда, необычайно проницательны! Поэтому, если дракон похитит девицу, он станет преступником, а если девица украдёт у него… что-нибудь, её не смогут осудить! Лишь отправить в родной мир, куда она и так с радостью вернётся!

Зазвучали медленные слегка саркастичные аплодисменты:

– Дорогой мой, сегодня ты превзошёл сам себя! Но где ты откопал эту девчонку и с чего взял, что она станет с нами сотрудничать?

– Она наёмница, сир.

– И, между прочим, лучшая из лучших, – не выдержала скромница, свешивая ноги, как выяснилось, с алтаря.

– Приветствую, миледи, – почтительно склонил голову более старый, серьёзный и определённо старший по званию посетитель. Второй торопливо не то повторил жест, не то просто дёрнул остреньким крысиным подбородком, удивительно неуместно выделяющемся на кругленькой мордочке. – Нижайше прошу прощения за условия, в которых вам пришлось ожидать аудиенции. Будь я в курсе происходящего, вам уже предложили бы вина и фрукты. Вероятно, после перемещения вы голодны?

Агент с удовольствием сожрала бы слона, подай его кто-нибудь с хорошей порцией кетчупа, но предпочла презрительно приподнять бровь и закинуть ногу на ногу, пошевелив босыми пальцами.

– Где мои берцы? – поинтересовалась она вместо обмена любезностями.

– К сожалению, при перемещении между мирами обувь остаётся в первом. Вот такая шутка магии, – развёл руками старик и протянул ладонь, вероятно для рукопожатия: – Моё имя Ювеналий. Не желаете ли и вы представиться?

– Не положено, – отрезала агент, скрещивая руки на груди. – Должность, звание?

– Я председатель в совете магов.

– Где?

Старик не совсем верно истолковал вопрос:

– Ах, да. В Лимбе, дорогая. Это мир, смежный вашему.

– Потрясающе! – Пижма осторожно ощупала шишку. Та чертовски болела, но уж точно не могла стать причиной столь скорого и успешного сумасшествия.

Ювеналий продолжил, чинно переплетя пальцы на животе, словно девушка не ответила ему вопиющей бестактностью:

– Понимаю, вы слегка… удивлены. Следовало подготовить вас лучше, но, поверьте, у нас экстренная ситуация, справиться с которой самостоятельно мы, увы, не способны. А навыки наёмницы из другого мира нам пришлись бы как нельзя кстати.

Агент спрыгнула на пол, обошла вокруг алтарь, испещрённый мелкими символами неизвестного происхождения, на первый взгляд не нашла ни одного неприличного слова среди надписей, которое неизвестный резчик уж точно не преминул бы оставить в качестве пасхалки, и встала перед мужчинами, осматривая их уже внимательнее. Не косплееры и не шутники. Одежда невероятно дорогая, а перстни, в изобилии унизывающие сухие морщинистые у одного и холёные ровные у другого пальцы не могли оказаться подделкой. По меньшей мере, ребята очень серьёзно вложились в ролевую, так что либо не стоило злить помешанных, либо не мешало бы им подыграть: авось хорошей актрисе обломится столь же неплохой гонорар.

– И чего же конкретно вы хотите от меня?

– Помощи в спасении целого мира! – патетично воздел руки к закопчённому потолку, служащему временной альтернативой небу, Лоренцо.

– Конкретнее, пожалуйста, – поморщилась новоиспечённая попаданка. – И какова цена вопроса?

Старик оказался куда понятливее, поэтому и переговоры наёмница предпочла продолжить с ним.

– Сколько обычно вы берёте? – сощурил он тёмные глаза.

Пижма задумалась. Во-первых, под рукой не оказалось листка бумаги, на котором под всё вытягивающиеся лица собеседников можно было приписывать

всё больше и больше нулей после единички. Во-вторых, брала она, конечно, немало, хоть и отдавала добрых семьдесят процентов агентству, но ребята взялись играть по-крупному. Назови она свой средний достаток за год, всё равно продешевила бы.

– Зависит от сложности задания, – без базара. Действительно зависит.

– Разумеется, – Ювеналий жестом предложил покинуть гостеприимные подвалы. – Каковы ваши навыки?

– Я элитный телохранитель.

– О, работаете на кладбище?

Пижма протёрла о рукав блестящие обрезанные под корень ноготки, полюбовалась.

– Вроде того. Поставляю им одних клиентов, и не допускаю раньше времени других.

– Навыки рукопашного боя?

– Имеются.

– Шпионаж?

– Секретная информация.

– Значит да, – старик заинтересованно почесал подбородок. – Видите ли, мы нуждаемся в невинной, – Пижма расхохоталась, но вовремя сымитировала кашель, – но крайне изобретательной деве. И эту деву должен похитить дракон.

За пять лет обучения, два года практики и три полевой работы Пижма привыкла делить людей на сволочей, которых нужно защищать, и идиотов, которые за это платят. Часто встречались клиенты «два в одном», но сегодня, видимо, придётся впихнуть в классификацию ещё один раздел: психи с бабками. Благо, второе вполне компенсировало первое.

– Дракон, – она позволила себе на мгновение приотстать от спутников и, прикрываясь полумраком освещаемого неровными кристаллами коридора, беззвучно шевельнула губами. «Твою налево!», – выхвалил бесшумное движение губ потусторонний свет белёсых, словно наполненных туманом камней. – Дракон, – спокойно повторила агент. – Фигурально выражаясь?

– Нет-нет, – обнадёжил Ювеналий, – полноценный дракон. С чешуёй, лапами и огненным дыханием. Но не беспокойтесь, он никого не сожрал. По меньшей мере, пока…

– А на своих девицах экспериментировать не алё?

Коридор ветвился и вихлял, точно кишечник огромного доисторического змея. Светильники-сталактиты, хоть и обрамлённые изящными держателями явно искусственного происхождения, добавляли происходящему сумасшествия.

Председатель совета магов (мля!) счёл сарказм недостойным ответа и молча открыл тяжёлую деревянную дверь, впуская в катакомбы солнечные лучи.

Сохранить самообладание оказалось не так просто. Не отводя взгляда от золочёных канделябров, лепнины, драгоценных камней, утопленных в глазницы уродливых гранитных существ, охраняющих сходу выдающую достаток хозяина лестницу, она похлопала себя по карманам в поисках початой пачки парламента. Сигареты, видимо, вместе с берцами остались в далёкой-далёкой реальности. Только вернув челюсть на место Пижма заставила себя вспомнить, что, вообще-то, курение – зло, а она пытается бросить, хоть и довольно безуспешно после последнего неудачного сожительства (он хотел семью и детей, а она – вышвырнуть его из дома и напиться).

Что ж, психи знали толк в роскоши.

Пижма назвала совершенно баснословную сумму в долларах. Денег хватило бы на скромный островок в атлантике, собственный замок и пожизненное содержание слуг, которые бы ежедневно устраивали бои без правил для развлечения хозяйки. Также их хватило бы для ненавязчивого содержания презирающих дочь родителей, безбедного существования прервавшей всякое общение сестры, а также, при желании, спонсирования политического

переворота в небольшой стране.

Ювеналий не изменился в лице, лишь склонился к подпевале:

– Сколько это по-нашему?

Лоренцо ответил, приподнимаясь на цыпочках, чтобы достать до уха рослого старика.

– Вполне разумная, хоть и слегка завышенная цена, – кивнул он. Пижма сразу поняла, что продешевила. – Полагаю, исходя из нескромных запросов, для вас не составит труда выкрасть из пещеры дракона кое-какую вещицу?

«Вот ты и попался!», – агент торжествующе поджала губы. – «Похищение для отвода глаз, так старикан? Тебе нужен живучий вор, не более того!».

– Это при условии, что меня не сожрут, – Пижма без обиняков уселась на ступени, раз уж устраивать ей экскурсию по замку никто не спешил.

– С вашими-то умениями? – влез Лоренцо. – Маловероятно. Я тщательно выбирал жертву… э-э-э… специалиста.

Агент прищурилась: в деле слишком много дыр. Но оплата так заманчива…

– И что же это за вещица?

Ювеналий, не смущаясь, уселся рядом, прикрывая длинной туникой костлявые щиколотки. Пухляшок Лоренцо тоже засуетился, но никак не мог выбрать удобное место. Наконец устроился у ног старика, как верный пёсик, подобострастно заглядывая ему в ноздри (куда получалось).

– Сущая безделица, – отмахнулся подпевала. – Полнейшая ерунда!

– Не валяй дурака, Лоренцо, – председатель нахмурил седые брови и уже совершенно буднично, без напускной вежливости обратился к агенту: – Я почти уверен, что это зелье. Леонард работает над рецептом уже несколько лет и, поверьте мне, если он преуспеет, дело кончится плохо.

Пижма прыснула, по-свойски ударяя нанимателя по колену:

– Леонард? Вашего дракона зовут Леонард? То есть, это огромная, кровожадная, жестокая ящерица, держащая вас в страхе, и он не придумал ничего лучше, чем назваться Леонардом?

– Что вас так развеселило, миледи?

Агент Пижма, славящаяся на работе особой серьёзностью и невозмутимостью, держалась за живот и всерьёз опасалась за свою репутацию.

– Леона-а-а-ард! Дракон-Леонард! И он варит зе-е-е-е-елье! Ребята, вы охренительны! Ладно, кто это учудил? Где камеры?

– Простите?

– Ой, нет, это вы простите! – девушка вытерла выступившие слёзы. – Я практически повелась. Но дракон Леонард – это бомба!

Ювеналий покачал седой головой.

– Вы, верно, слегка обескуражены происходящим, – недовольно зыркнул он на помощника.

– Сир, – взмолился тот, – ответственно заявляю, что из всех претендентов эта женщина оказалась наиболее предрасположенной и устойчивой к магическим воздействиям! Она не могла так просто тронуться умом!

Устойчивая к магическим воздействиям женщина тихонечко заскулила и принялась биться головой о бархатное покрытие ступеней.

– Я и вижу, – Ювеналий щёлкнул пальцами. – Не желаете ли воды, миледи?

Заворожённо проследив, как кувшин и тяжёлая кованая чаша по воздуху преодолевают расстояние от маленького столика в углу до бьющейся в истерике наёмницы, Пижма открыла рот, сжала услужливо подлетевший сосуд, залпом

опорожнила его и смиренно приняла, что сошла с ума.

– Нам нужен официальный контракт с прописанными правами и обязанностями сторон.

– Всенепременно, – Ювеналий уже вручную наполнил чашу ещё раз.

– И половину суммы вперёд.

– Вполне разумно.

Собственно, а чем это задание хуже всех предыдущих?

– Ну и это, – она нервно хихикнула. – Подать мне вашего дракона, что ли.

Глава 2. О вымирающих видах

Что можно найти в норе любого уважающего себя дракона? Тела безвинно убиенных жертв, обглоданные кости, нечистоты, сокровища, в конце концов. Меньше всего ожидаешь увидеть вполне комфортабельную пещеру, мягкую софу, очаг, кресло-качалку, вопиюще не вписывающееся в нарисованную воображением Пижмы картину, и тарелку с вишнёвым пирогом, ожидающим на маленьком передвижном столике своей незавидной участи. Быть может, в начинке не вишни, а хотя бы глазные яблоки? Пижма воспользовалась рассеянным вниманием дракона и сковырнула хрустящую корочку. Нет, самая настоящая вишня. И тесто очень вкусное, да. Агент разочарованно плюхнулась в кресло, попутно воздав хвалу неведомому проектировщику: в отличие от остальной подобной мебели, отдыхающий не проваливался в слишком глубокое сидение и не чувствовал себя непослушным ребёнком в… вольере? Загоне? В этой штуке, которой обычно фиксируют младенцев. О, манеж! К тому же из качалки открывался чудесный вид не только на уютную, залитую мягким светом канделябра, комнатку, но и на её владельца, в панике перерывающего комод и пытающегося прикрыть срамоту.

– Да ты не спеши, все мы люди взрослые, – девушка не глядя отломила ещё кусок пирога и напомнила: – К тому же, чего я там не видела.

Пижма слегка вытянула шею, чтобы убедиться, что всё, свойственное дракону, она действительно уже видела (ещё раз: сугубо в научных целях!) и только потом сообразила, что она, вообще-то, находится здесь на правах невинной девы.

– Я хотела сказать: о Боже, какой кошмар! Немедленно прикройтесь и не смущайте мой взор! – исправилась она, смачно чавкая остатками лакомства.

Дракон запыхтел, но ничего не ответил, натянул штаны, накинул какую-то совершенно не брутальную, как и всё помещение, рубашку и выжидательно вытянулся перед незваной гостьей. Та поспешно вытерла ладонь о выданное нанимателями платье и протянула новому знакомому:

– Пижма! – радостно сообщила она.

Дракон машинально пожал, недоумённо осмотрел мгновенно ставшие липкими пальцы и, хлопая возмутительно длинными ресницами, вежливо ответил:

– Леонард.

Девушка помахала рукой перед глазами неправильного дракона, а то тот совсем уж смутился:

– Привет, Лёня! Как сам?

– Что, простите?

– Как жизнь, спрашиваю. Вкусны ли девственницы, в страхе ли селяне? Сколько принцесс похитил на этой неделе?

Леонард попятился, пока не упёрся в огромный, во всю стену, стеллаж с книгами. Кажется, в его дом забралась не просто настырная, а двинутая на голову особа. А если покусает? Вдруг заразная?

– К-кажется вы меня с кем-то путаете…

Особа откинулась и закачалась в кресле, внимательно рассматривая безынициативного похитителя.

– Дракон?

– Ну… Д-да…

– Тогда, Лёня, ты меня очень-очень расстраиваешь, – грозно начала она.

– Почему, простите?

– Потому что ведёшь себя совершенно не по-драконьи. От тебя что требуется? Похитил, запугал, в пещеру, – агент критично огляделась. Сходство с пещерой заканчивалось ровно на повороте коридора сразу после входа, да и то, вероятно, из-за отсутствия освещения. А так вполне миленькая, хоть и холостяцкая, квартирка, – или что там у тебя, притащил.

– З-зачем? – запуганный дракон попытался попятиться ещё сильнее, когда боевая гостья поднялась, приблизилась и требовательно тыкнула пальцем в его тощую грудь.

– А это уже по ситуации, – зловеще показала она щербинку между зубами. – Кто поскромнее, заставит сокровища пересчитывать, кто посообразительней, начнёт домогаться. Начнёшь домогаться, а? – нависла она над присевшим в недоумении парнем. Тот отрицательно замотал головой – лохматые длинноватые пряди забили по щекам.

Автор иллюстрации (она же обложка) Stranger in_Strangeland (https://vk.com/id8989352)

– А очень надо? – уточнил он.

– А это смотря как станешь себя вести, – пообещала Пижма и по-хозяйски отправилась изучать захваченное пространство. – Чего тут у тебя хорошего? Ого! Телескоп! А ты, оказывается, не только хиляк, но и ботан, да? Это ты всё вот это прочитал? Силё-о-о-он! А тут чего?

Девушка налегла на маленькую дверцу, сомнительно замаскированную гобеленом с закрывающим крыльями небо летучим монстром. Вот так должны выглядеть драконы: огромный, с чёрной чешуёй, раскалённой до красна у пасти и на груди (почему-то казалось, что и под хвостом тоже), он угрожающе завис над вышитыми жителями посеченного молью города. На плохо проработанных лицах второго плана отражался неубедительный, но искренний ужас, кривые огромные руки, превышающие по длине тело, мутировавших жителей в немом упрёке грозили чудищу кулаками. К слову, спустись вышеупомянутое чудище пониже, и жители не только смогли бы сдёрнуть его и разложить на ближайшей поляне, но и превратить в жестковатый, но крайне сытный шашлык.

И только тут Пижма поняла, что рано обрадовалась лёгкой победе.

– Не смей трогать эту дверь! – воспрянул духом хозяин (пока что!) пещеры.

– Или что?

Дракон смутился. Он, вообще-то никогда не слыл сторонником насилия и альтернативных способов убеждения противника, кроме как «не стоит бить меня по лицу» и «уберите, пожалуйста, сапог с моей груди», не знал.

– Лео, мальчик мой, – покровительственно начала Пижма, налегая на ручку со всей силы, – ежели ты имеешь, что мне сказать, так говори сейчас, потому что потом, когда тётя Пижма потеряет к тебе интерес…

Договорить тётя Пижма не успела. Леонард, конечно, был крайне обескуражен, удивлён и поражён поведением наглой девицы, у которой, кажется, вовсе не имелось ни тормозов, ни инстинкта самосохранения, но он всё-таки был драконом. А ещё он был не так молод, наивен и глуп, как показалось агенту сразу, всего-то недокормлен и изнурён бессонницей, потому и казался младше и беззащитнее.

Дверь в доли секунды побелела, как передержанная в огне кочерга, надулась и с громким пыфом выровнялась, как пружина, отбросив от себя взломщицу.

– Или ей придётся защищаться, миледи, – склонился в издевательском поклоне Дракон.

Агент ничуть не разозлилась. Напротив, слегка смутилась: стоило переоценить противника, а не, мысленно окрестив его лёгкой добычей, считать дело закрытым.

– Один-один, приятель, – признала она. – Это было круто.

Леонард тоже не стал скандалить, галантно подал руку, которую, как ни странно, девушка приняла, и усадив гостью на софу, сунул в очаг подвесной чайник.

– Чем обязан визиту столь… яркой, – нашёл он подходящий синоним к «двинутой», – особе?

– Да вот шла-шла и думаю, что-то я скучно живу. Пора бы драконом похититься!

– Вы, видимо, не местная? – Леонард сноровисто накидал в заварник сушёных травок, перемежая их яркими, ни на что не похожими, цветами.

– Что же меня выдало?

– Ну, – озорно улыбнулся он, – есть пара незаметных деталей. Например у вас в кармане жужжит, как вы его называете? Дубильник?

– Мобильник, – поправила Пижма, нажимая «отбой» напоминалке о ежедневной тренировке. Будем считать, сегодня стресс заменил спорт. – И откуда ж ты такой сведущий, Лёня?

Леонард налил кипятка в заварку и недоумённо уставился на опустевшую тарелку, где, он был почти уверен, раньше лежал пирог. Пижма увлечённо рассматривала сводчатый потолок.

– Не преувеличивайте мои достоинства, – девушка многозначительно приподняла бровь, но комментировать, как и подобает невинной деве, не стала. – Я всего лишь немного изучал вопрос. В нашем мире, в Лимбе, если вам ещё никто не называл его имени, магия – то же, что ваша наука. Мы изучаем её, разбираем на части, анализируем и, разумеется, используем в быту. Миры, и ваш и наш, всего лишь ветви на огромном раскидистом дереве. Иногда они по прихоти ветра переплетаются, только и всего. Вы не первая, кому довелось путешествовать по междумирью, и, поверьте, не последняя. Собственно, чем дальше, тем более обыденным становится этот процесс, едва ли не популярным. Слышал, в совете магов уже научились выдёргивать конкретных людей с конкретного «листочка» по необходимости, но это слегка не моя специализация, поэтому не могу проконсультировать.

– А какая у тебя специализация? – заинтересовалась гостья.

– О, совершенно ничего интересного. Моя история скучна и банальна донельзя, а какова ваша, дорогая Пижма?

Историй агенту предложили несколько, но по опыту она знала: лучшая ложь та, в которой максимальный процент правды.

– Да тоже ничего интересного. Один идиот огрел по голове стаканом. Очнулась уже у вас.

– И наверняка больше всего на свете хотите вернуться домой? – Леонард принёс две кружки и отхлебнул из одной. Пижма молча сунула ему свою и взяла уже продегустированный чай. В зарябившей глади отразилось на удивление задумчивое лицо.

– Вообще-то я не тороплюсь. То есть, хотелось бы иметь подобную возможность, конечно, да и повод вернуться есть, – агент с нежностью вспомнила сильно набухший после подписания контракта счёт (неведомым образом преодолевшая магические заслоны смска из банка тыдынькнула почти сразу). Собственно, пока что он был её единственным поводом. – Но не прямо сейчас.

– Но разве вы не напуганы? – дракон безропотно отпил и из второй чашки.

– Шутишь?! – рассмеялась Пижма, едва не расплескав напиток. – До усрачки! И вообще я ставлю на сотрясение и наверняка валяюсь сейчас под капельницей! Но кому какая разница? Это же, чёрт возьми, охренительно! Драконы! Летающая посуда! Перемещения между мирами! Нет, ребята, так просто вы от меня не избавитесь! Я остаюсь на каникулы!

– Здесь? – робко уточнил дракон, имея в виду крохотную холостяцкую берлогу, не видевшую женского пола со студенческих лет ответственного Леонарда. Да и тогда девушки заходили по большей части за конспектами, кои поленились написать сами, предаваясь фантазиям о брутальном, не чета Лео, красавце-ректоре (потому как не красавцев в ректоры не берут, это всем известно).

Девушка закинула ногу на ногу и приобняла кавалера за плечи:

– А ты против? – жарко выдохнула она ему в кружку.

– Я не то чтобы за, – мягко отстранился Леонард.

Нет, так дело не пойдёт. Похищать он её отказывается, добровольно остаться тоже не даёт, секретами делиться не спешит. Эдак задание и правда окажется проваленным!

– То есть ты, – Пижма думала, что надулась обиженно, хотя со стороны, скорее, выглядела угрожающе, – выгонишь бедную девушку на улицу, в холод…

– Лето на дворе.

– На ночь глядя…

– Полдень!

– В жестокий непонятный мир…

– Вы весьма быстро освоились.

– Где каждый может обидеть!

– Вас?! – обидеть Пижму и правда мог всякий. А вот рассказать об этом пока не доводилось никому.

– Ну не тебя же! Ты ж у нас дракон!

Дракон смущённо шаркнул ногой, попутно запихивая под софу свиток с картинками неприличного содержания, пока тот не успел привлечь нездоровый интерес гостьи.

– У нас вполне мирное государство. И что-то мне подсказывает, что вы вполне способны за себя постоять.

– Ага, за себя и за того парня, – подтвердила Пижма, отмечая, куда Лео спрятал трактат палевного содержания. – Ежели заплатит.

– Это как? – заинтересовался Дракон.

– Ну а как бывает? Кто телохранителю платит, тот себе и крепкий сон покупает.

– Телохранителю? Простите, вы работаете на кладбище?

– Да что ж вы заладили? – буркнула Пижма. – Ага, на кладбище. Внештатным сотрудником. Решаю, кому уже пора за ворота, а кто может пока на своих двоих перекантоваться.

Леонард дождался, пока кружки опустеют, и ответственно прибрал посуду, сполоснув под напоминающим огромную капельницу научным инструментом. Долго молчал, пока агент, выудив из-под тахты запрятанный компромат, пролистывала страницы, не забывая сверяться с собственными размерами и изгибами. Осталась весьма недовольна сравнением не в свою пользу: мягкотелые, изящные, томные ведьмочки, кикиморы и русалки нисколько не походили на угловатую, жилистую, большерукую и чрезмерно высокую для женщины, почти с Леонарда, Пижму. Поэтому девушка ничуть не расстроилась, когда заметивший вторжение в личное пространство дракон покраснел, как тот, с гобелена, и отобрал листочки, пробурчав что-то про экспериментальные пути и потребности учёных.

– То есть, вы хотите сказать, что в своём мире занимаетесь определением, кому жить, а кому умирать?

– Ну-у-у, не то чтобы я сама это решаю. Скорее помогаю судьбе принять решение в пользу тех, кто может договориться с ней о цене, – агент и сама удивилась, как красиво завернула обычное «охраняю одних мудаков от других».

– Вы торгуете жизнями?!

– Ну, приятель, не перебарщивай. Работаю личной стражницей, не более того.

– Вы торгуете жизнями, – укоризненно повторил Леонард. – Вы продаёте их тем, у кого больше денег, верно?

– Не говори ерунды! Я не продаю жизни!

– Вы не исправляете мерзавцев, а даёте им возможность творить зло?

– Я не…

– Вы не работаете на мерзавцев?

Очень хотелось с достоинством ответить «нет», очень. Но… Но она работала на мерзавцев. Всё всегда начинается правильно: хорошая девочка или умный мальчик хотят сделать мир лучше. Хорошая девочка или умный мальчик обещают себе, что никогда не станут лицемерами, как их родители, никогда не обидят того, кто слабее, не продадутся за лишнюю монету и не сторгуют великие идеи за повышение к зарплате. Но однажды случается так, что лишняя монета оказывается срочно нужна, потому что сестра переживает неудачную беременность, или чрезмерно заманчива, потому что поездка в Англию – это давняя, ещё со школы, мечта, а тут подвернулся отель за полцены и лететь надо обязательно на следующей неделе. И тогда политика, который нанимает сопровождение на не слишком чистую сделку, оказывается можно понять. У него ведь тоже своя правда. Не такой уж он и мерзавец, а сделка с совестью – это лишь на один раз. Потому что поездка… или сестра – одна и прямо сейчас, а сволочей меньше не становится. Начнём спасать мир со следующего месяца, ага?

Но в следующем месяце найдётся ещё один не совсем мерзавец. И ещё. И ещё. После останется совсем чуть-чуть до повышения и новой машины. А потом… а потом станет плевать, кого ты защищаешь, а на кого направляешь дуло пистолета. Потому что мир всё равно не изменится, а ты тоже хочешь устроиться в нём получше.

И если этот мир не спасти, может, проще сбежать в другой?

– Я работаю на тех, кто платит, – хрипло ответила девушка, на миг отведя взгляд. – И я не намерена за это извиняться.

А хорошие ли люди те, кто нанял её в этот раз? Чем может угрожать целому миру этот тощий, растрёпанный, со светлыми наивными глазами, заучка?

Нет уж. Половина гонорара уплачена. Она никому не причинит вреда, никого не убьёт. Нужно выкрасть эту его научную тайну и вернуться домой. Учёные часто лезут туда, куда нормальному человеку не придёт в голову заглянуть. А потом – раз! – и необратимая мутация или зомби-апокалипсис на носу. И тогда уже главными становятся бойцы, как Пижма. Которые действуют, а не думают.

Леонард разочарованно отвернулся:

– Это ваше право.

Наверняка дальше разговор перестал бы клеиться, но ему и не пришлось. С улицы донёсся отчётливый звон металла и гул встревоженных голосов. Наконец из неразборчивого жужжания выделился единственный зычный крик:

– Выходь на бой, поганое чудище, чтоб те пусто было! Выходь, кому говорят?

Леонард выронил протираемую чашечку и выругался сквозь зубы, когда та, звякнув отбившейся ручкой, укатилась под стол.

– Опять! – горестно опустился он на четвереньки, длинной стеклянной колбой подцепляя пропажу. Освободив беглянку от паутины, он снова торопливо полез её споласкивать, предварительно стукнувшись макушкой о столешницу.

Пижма предпочитала не суетиться и вообще не двигаться с места, не получив достаточно информации:

– Что за шум, а драки нет?

– Это только пока нет, – Леонард вытер мокрые разводы, водрузил кружку на подставку к остальной посуде и, засучив рукава, принялся нашёптывать на артефакт, формой напоминающий амбарный замок. От входа в пещеру донёсся скрежет камня о камень и эхом отвечающее на него разочарованное «фу-у-у!». – Сейчас сами себя накрутят и пойдут на штурм. Будет тебе и драка, и кровь, и переломанные носы: дракон-то не вышел, а кулаки всё ещё чешутся. Так что надо срочно двери запирать. В прошлый раз в отлёте был, так они мне тут всю мебель поломали и стены неприличностями порасписывали.

– Какие грамотные! – восхитилась драконоборцами агент.

– Да нет. Селяне ж. Они с ошибками понаписали, а где не знали, как пишется, схематично, так сказать, изобразили. Я даже того, – Леонард потупил взор, – кое-где ошибки исправил, прежде смывать, а то аж зубы сводило. А пару рисунков оставил на память…

– Выходи, монстр кровожадный! – напомнили о себе с улицы.

Пижма кивнула на выход:

– Пойдёшь?

– А то мне делать больше нечего!

– И часто они так?

– Пару раз в неделю, не больше. Зимой по сугробам ленятся, там по месяцу тихо бывает, а в праздники, когда дел мало, могут и зачастить.

– А ты что?

– А что я?

– Ну выходишь?

Леонард скептически провёл ладонью вверх-вниз вдоль тела, как бы намекая на то, что тощий бледный мужчинка болезненного вида не представляет интереса для страждущих драконоборцев и, в свою очередь, меньше всего нуждается в их обществе.

– Ну ты ж кровожадный дракон!

– И ничего я и не кровожадный! Я пироги люблю. С вишней, – горестно вздохнул он.

– Но они-то этого не знают. А вида страшного и огнедышащего ящера вполне достаточно, чтобы отвадить таких гостей.

Страшный и огнедышащий скептически хмыкнул:

– Не достаточно. Поверь мне.

«Вот поэтому я до сих пор и не замужем», – подумала Пижма, но вслух только фыркнула:

– И что за мужики пошли? Брысь с дороги. Сама разберусь.

Народ снаружи негодовал, потрясал вилами и жаждал зрелищ. Хлеба народ на всякий пожарный принёс с собой, о чём недвусмысленно свидетельствовали толстые бабы, делящие на троих пригоршню семечек, без аппетита обсасывающий краюху мальчишка с выбитым зубом, которого при полнейшем попустительстве родителей пустили в первые ряды штурмующих, и хитролицый старичок, с лотка толкающий маленькие обжаренные в масле кусочки теста. Кусочки разлетались быстро: чудище снова беззастенчиво игнорировало борцов за справедливость и смертный бой.

Между стеной и огромной каменной дверью, что, повинуясь волшебному ключу, начала, но не успела закончить свой путь, протиснулась коротко стриженая девица недружелюбного вида.

– Чего надо? – за неимением сигареты (бросить! Проклятье, давно пора бросить!) она отломила с растущего у лаза орешника веточку и стиснула зубами, перекатывая из одного уголка рта в другой.

– А-а-а, – замялись драконоборцы, недоумённо переглядываясь: не спутали ли адрес? – А дракон выйдет?

– Он наказан, – девица хмуро оперлась плечом о приоткрытую дверь, показывая, что двигаться с места не собирается.

– А мы на смертный бой, – вперёд выступил наиболее мускулистый детина с глуповатым лицом деревенского дурачка. Впрочем, почему именно деревенского? Велика вероятность, что дурачки-рыцари имели лица не более обременённые интеллектом, потому и предпочитали демонстрировать окружающим не их, а кованые шлемы. Мужик протянул в доказательство серьёзности намерений топор. – Вот.

Пижма топор приняла, повертела в руках, ногтем попробовала привычное к дереву, а не чешуйчатым шеям, лезвие, и вернула прежнему владельцу.

– Слыш, Лёня, – гаркнула она в темноту, – тут тебя убивать пришли. Интересует?

Из темноты ехидно заржали. Драконоборцы неподдельно смутились.

– Говорит, не пойдёт, – констатировала факт агент Пижма, для верности перегораживая узкий проход подтянутой ногой.

Мужик опустил растерянный взгляд на топорище, потом поднял на неожиданно нарисовавшуюся преграду. Преграда задумчиво жевала веточку орешника и словно приросла к стене пещеры. Мужик пожал плечами и, развернувшись, сообщил остальным:

– Не пойдёт!

В толпе заволновались: кто побольше, опасаясь, что пончиков в лотке на всех не хватит, кто поменьше, негодуя, что четвертование дракона не состоялось.

Меньше всего хотелось уходить бабам с семечками. Какие у баб в деревне развлечения? Оприходовать поддатого муженька скалкой? Оттаскать за уши бездельника-сына? Нет уж, коль скоро они сюда явились, рискуя норовящим убежать тестом, то обязаны добыть хотя бы достойный повод для пересудов.

– А ты, тьфу, – сплёвывала шелуху под ноги самая круглощёкая из троицы, – вообще кто такая?

– И то верно, – подхватили подружки. – Видать мы тебя тут раньше не видали.

– С драконом живёшь? Ведьма, что ль?

Пижма ухмыльнулась, показав щербинку между зубами, в которую как раз удачно уместилась обгрызенная веточка:

– А что сразу ведьма? Мож я прекрасная принцесса.

– Оно и видно, – прыснули бабы.

– Прекрасная? – скептически уточнили, оценивая узкие бёдра, мужики.

– А то нет? – возмутилась Пижма. – Сломаю руку каждому, кто скажет, что не прекрасная, – из глубины пещеры провокационно заржал дракон, – и нос тому, кто не поверит, что невинная, – повысив голос, предупредила агент темноту.

Бабы не унимались. Шутка ли: дева, сожительствующая с драконом! Да к логову можно теперь платные экскурсии водить!

– Так ежели ты така прекрасная и невинная, что ж ты с чудищем огнедышащим живёшь?

– Любовь зла, – развела руками Пижма.

– О-о-о! – умилённо заулыбались мужики, прижимая драконоборственный инструментарий к груди.

– Дурни! – обиделись семечковые дилерши, – она ж над вами издевается! Небось того дракона и дома-то нет, одни сокровища несметные! Ату её, ату! – мотивировали они мужей.

Идея наличия неохраняемых сокровищ мужикам понравилась и они, виновато сопя, пошли в наступление:

– Не обессудь уж. Принцесса ты там или как, но, ежели мешать станешь, мы тебя того…

– Сильно позабавите, – спокойно предупредила Пижма. – Поверьте, ребята, вы просто сильно меня позабавите.

Раззадоренные селяне отступать не собирались: прихваченное с собой угощение заканчивалось, становилось скучно, пора бить морды.

Дровосека агент обижать не стала: ударила в колено и завершила дело подсечкой, пусть отдыхает. Двух одинаковых, как из ларца, бородачей, попытавшихся синхронно напасть с разных сторон, столкнула лбами, а следующего украсила синяком на пол-лица. Четвёртому повезло меньше всего: он захотел серьёзной драки, принялся размахивать огромным ржавым мечом, демонстрируя свою мужественность, за что по ней же и получил. Обнимая ладонями самое дорогое, поверженный так и остался лежать у ног девушки.

Пришёл черёд козырной карты, гордости селян: расслабленно, вразвалочку приблизившийся мужичок холёного вида полгода прослужил охранником у знатного торгаша, поэтому драться умел. Или считал, что умел, пока не встретился с элитным телохранителем, потратившим на оттачивание навыков вот уже десять лет.

– Кия! – тонко завопил он, становясь на одну ногу и вытягиваясь в струнку, имитируя боевого тушканчика. – О-о-оньк! – добавил он, чтобы всем стало ясно: боевой тушканчик тут не шутки шутит!

Элитный телохранитель сочувственно заглянула ему за спину:

– Он у вас того? С головкой совсем плохо?

– Кия! – обиделась козырная карта, меняя позу на распластавшегося дикобраза: – Ишо-шо-шо-шо!

– Совсем, – догадалась Пижма. – Парень, тебе бы полежать…

Она присела на корточки, чтобы проверить, насколько у мужичка горячий лоб, и осторожно поставить его на ноги, но мерзавец только того и ждал. Горсть песка запорошила глаза острой болью, заставив высказаться так, как протокол категорически запрещал. Агент отскочила назад, пытаясь проморгаться.

– Ага! – восторжествовал боевой тушканчик. – Ату её, братцы! Ату! Кия!

Из глубины пещеры выругались и побежали к ней. Ну уж нет! Агент Пижма ещё никогда не просила помощи. Даже на последнем задании, столкнувшись с четырьмя подготовленными бойцами, она не вызвала подмогу. Предлагали – не взяла. «Объект под прикрытием! Повторяю: я прикрываю объект!». Одна. Сама. Она не нуждается ни в чьей помощи, потому что не привыкла доверять никому, кроме себя.

Девушка предостерегающе выставила ладонь в сторону пещеры, надеясь, что Лео поймёт всё правильно и не высунет нос, а второй выхватила пистолет. Обойма опустела, но один, последний, патрон всё ещё оставался в стволе.

С трудом сфокусировавшись на расплывающемся смазливом мужичке, она направила дуло.

– Кия! Пши-пши-пши! – принялся защищаться смертник.

– Да пропади ты пропадом! – в последний миг агент подняла руку и выстрелила в воздух.

Толпа мгновенно стихла.

– Ведьма! – прошелестел восхищённый и испуганный шепоток.

– Ведьма, – согласилась девушка, – но, попрошу заметить, невинная и прекрасная. Тем не менее, каждого, кто сунется сюда с нехорошими

намерениями, – она направила опустевшее оружие на впервые осознавших опасность энтузиастов, – прибью на месте. Это мой дракон, – «мне за него заплатили», – мысленно добавила она, – и я им делиться не намерена. Ну-ка, пшли отседа!

Селяне не заставили себя просить дважды. Они привыкли к мирному дракону, как должное принимали традиционную охоту на него, но связываться из-за любимого развлечения с ведьмой, которая и правда хорошенько потрепала главных поставщиков веселья, не собирались.

– Дай помогу, – когда поляна опустела, Леонард осторожными мягкими движениями промыл ей глаза, тонкими пальцами, игнорируя недовольное пыхтение, нанёс на веки пахнущую ромашкой мазь.

– До свадьбы заживёт, – попыталась отпахнуться Пижма, но дракон неожиданно твёрдо сжал её плечо.

– Терпи уж, защитница. Такое развлечение ребятам испортила. Не придут ведь больше.

– А то тебе жаль.

– Жаль. Их жаль. Деревня маленькая, среди холмов; в город каждый день не съездишь. Как им ещё от работы отвлекаться?

– Пусть электричество изобретают.

– Как знать, как знать…

Леонард осторожно подцепил пальцами её подбородок, чтобы рассмотреть исцарапанную слизистую на свет. Пижма попыталась вывернуться, но неожиданно для себя самой передумала.

– Значит, именно этим ты занимаешься? – дракон быстро прикоснулся к её щеке, видимо, стряхивая осевшую пыль.

– В основном.

– Что ж, тогда я хотел бы тебя нанять, – улыбнулся Леонард. – Можешь остаться у меня в обмен на услуги телохранителя. Как видишь, иногда работникам науки бывает необходима грубая сила.

Очень интересно. Пижма заставила себя обдумать предложение, прежде чем отказываться. Собственно… А почему нет? Разве одно задание противоречит другому? К тому же, как только она добудет зелье, которое так жаждет заполучить совет магов, её отправят домой. К жирным бизнесменам и тупым солдафонам; на привычную работу, в пустую квартиру, куда так и не удалось заманить на новоселье никого из родни. Так почему бы не продлить свои странные внеплановые каникулы и не узнать получше дракона-ботаника, руки которого пахнут ромашкой?

Она улыбнулась краем рта.

– Что ж, давай поиграем, дракон.

Глава 3. Из чего же сделаны наши драконы?

Диванчик в логове дракона оказался вполне удобным, что не помешало новоявленному хранителю драконьих ягодиц немного повозмущаться.

– А нормальной кровати у тебя нет? – дома Пижма спала ровно на таком же, но разве попаданкам не полагается попадать сразу во дворец или, по меньше мере, в комфортабельный гарем властного, но в меру ранимого тирана?

– Дверь вон там, – ненавязчиво напомнил Леонард на случай, если условия жизни с ним так уж невыносимы.

– Ранимые мы какие, – агент, бурча, натянула одеяло до самого носа, отвернулась и напутствовала: – Начнут убивать, – зови.

– Всенепременно, – пообещал он таким тоном, что стало ясно: случись что, предпочтёт безвременную гибель. Всё не так мучительно, как пререкаться с

навязавшейся прекрасной принцессой солдафонской наружности.

Сам же Леонард демонстративно и без малейших проблем скрылся за дверью, что днём едва не угробила Пижму. Девушка завистливо показала удаляющейся спине язык. Но спать по ночам у драконов, видимо, не принято, поэтому из смежной комнатушки тотчас зазвучал согласных хор склянок, шипение, бульканье и тихонько напеваемая песенка. Пропустить драконью серенаду агент не могла, поэтому, тщательно обыскав основную комнату и придя к безутешному выводу, что всё самое интересное скрыто за волшебным замком, она осторожно прильнула ухом к слегка потеплевшему дереву. То ли дверь, как злобного пса, успокоил запах рубашки Леонарда, которую тот самоотверженно пожертвовал гостье, то ли одного щелбана оказалось достаточно, но на этот раз Пижма сумела заглянуть в небольшую щель у петель. К сожалению, мелькающая туда-сюда вдоль длинного стола тень оказалась не самым захватывающим зрелищем, правда когда у Леонарда внезапно вырос чешуйчатый отливающий в свете горелок зеленцой хвост, и он принялся с интересом измерять его длину (что не преминул бы сделать ни один мужчина ни одного из миров), стало повеселее. Когда хвост отвалился от, скажем так, основания и остался в руке у недоумевающего обладателя, забарывать смех, перемежающийся с рвотными позывами, стало и вовсе невозможно.

– Вот же упрямая тварь! – Леонард обиженно пнул конечность, но быстро одумался, осторожно поднял, протёр тряпочкой и водрузил на разделочную доску. Наверняка специальную разделочную доску, используемую исключительно в экспериментальных целях!

– Надеюсь, завтра на обед не мясо, – ошалело пробормотала Пижма, не в силах отвести взгляд от змеино извивающейся культи.

Леонард где-то там поскрёб, что-то отрезал, сунул в колбу, зачадившую густым едким дымом и, экзальтированно захохотав, но тут же закрыв себе рот руками (не один же!), засобирался на позднюю прогулку. В маленький мешочек на поясе отправился набор остро заточенных инструментов, отсылающих не то к хирургу-фрилансеру, не то к маньяку, пара пустых коробков, горчичного цвета порошок и фляжка. Последнее привлекло особое внимание Пижмы: дракон решил уйти с горя в запой или попросту хочет сбежать?

Едва успев шмыгнуть обратно в постель, она краем глаза следила, как алхимик, путаясь и шипя ругательства, шнурует высокие сапоги, укутывается в плащ и,

неизменно задевая плечами углы, на цыпочках выходит в ночь.

Агент сразу же вскочила, готовая ворваться в вожделенную комнатку, хранящую тайны, но на миг закусила губу и передумала. Успеется ещё. Запрыгнула в уже ставшие ненавистными изящные туфельки, за которые наверняка лимбовские красавицы с радостью отдали бы огромные деньги, завернулась в одеяло и, пренебрегая штанами, выглянула из пещеры.

Ночь ударила по носу густым цветочным запахом. Голые колени мгновенно покрылись мурашками, и Пижма зябко переступила с ноги на ногу, печально оглядываясь в темноту логова кровожадного чудовища, откуда манила тёплая постелька. Чудовище не успело уйти далеко: уже знакомая песенка мурлыкала за углом, утопая в частом переплетении веток орешника. Справедливо посчитав, что комнаты всех видов и мастей она уже обыскивала, а устраивать слежку за драконом пока не доводилось, девушка двинулась на звук.

В одиночестве Леонард преобразился. От суетливого напуганного ботаника, коим он предстал днём, не осталось и следа. Он двигался уверенно, легко. Прямая ровная спина, за которой, наверное, была бы рада спрятаться чуть более адекватная, чем Пижма, девица, мелькала то тут, то там, неведомым образом совершенно бесшумно преодолевая десятки метров. Агент с неудовольствием отметила, что залюбовалась танцем дракона с сочной листвой и сама себя одёрнула: драконам не стоит доверять так же, как и людям. Однако пришлось признать, что без назойливого внимания Леонард казался если не сказочным изящным существом, то, по меньшей мере бледным аристократом, кои склонны читать Эдгара По в кладбищенской прохладе и привлекать размечтавшихся служанок, а иногда и циничных агентов, задумчивым и меланхоличным видом.

Тремя размашистыми, но тихими прыжками дракон спустился в наполненный туманом, как чашка молоком, овражек. Драконохранительница машинально задержала дыхание, уверенная, что в белёсой дымке и без присмотра её работодатель обязательно захлебнётся, но ночной воздух, не умеющий хранить секреты, донёс знакомый напев.

Насколько этот мир отличается от привычного? Может, туман ядовит? Или внизу ждёт жадное до полуголых женщин проголодавшееся страшилище? Или она попросту налетит в темноте на корягу? Обдумывала это Пижма уже неуверенно спускаясь вниз, неосознанно ожидая, что над белой гладью вот-вот появится акулий плавник: та-да, та-да, та-да, тыньк-тыньк-тыньк-тыньк, тыды-ды-дыц!

– Мать моя женщина! – заверещала Пижма, упав на дне оврага на что-то твердоватое и горячее, ощупала и постаралась успокоиться: – Лёня, ты?

– А ты кого ожидала увидеть, когда за мной шла?

Агент фыркнула:

– Тоже мне, брутальный самец! Захотела бы, чтобы ты меня не увидел, не увидел бы!

– Аналогично, – прохрипел потерпевший. – А теперь слезь с меня.

Пижма с сожалением послушалась и сразу пошла в наступление, раз уж всё равно попалась:

– Ты куда это собрался на ночь глядя? – с видом сварливой жены уперла она руки в бока.

– За травами, – недоумённо протянул пустой мешочек в доказательство Лео. – А нельзя?

– Конечно нельзя! Я твой телохранитель и должна находиться рядом!

– Так ты и так рядом. Я же слышал, как ты следом топала.

– И ничего я и не… Ах так? А ты песенки дурацкие пел!

– А ты мою пещеру обшаривала, – Лео отряхнул заляпанные мхом штаны и мстительно добавил: – Нашла что-нибудь необычное?

– Пока нет, но ещё не вечер, – с достоинством парировала агент, одёргивая задравшуюся выше приличного рубашку, из-за которой дракону начинало грозить косоглазие. Одеяло осталось где-то на склоне, безвременно погибнув в склизких объятиях мха, поэтому Леонард, не спрашивая, нужно ли, протянул девушке плащ.

– Зачем это? – Пижма не привыкла к бескорыстной вежливости, и ещё меньше привыкла к джентльменству, так что принимать подарок не спешила.

Вымирающий вид джентльмена непонимающе и обиженно надулся: в его мире этикет полагалось соблюдать даже (и тем более!) если ты предлагаешь закадычному другу вино, щедро сдобренное ядом.

– Ты чего?

Пижма попятилась не менее испуганно, чем давеча сам дракон. Нет, к такому её жизнь не готовила!

– Тут тепло, – соврала она, вопреки словам зябко обхватывая себя за плечи.

Рубашка отчётливо обрисовала всё, что под ней скрыто, и Леонард, поочерёдно сменив оттенок лица от пунцового до мертвенно-бледного, силой укутал ненормальную бабу. Баба фыркнула, но, благо, скидывать одежду, демонстрируя независимость, не стала.

– Цветочки, значит, собираем? – скривилась она, успешно маскируя смущение за бравадой.

– «Собираем» – не совсем подходящее слово. Мы на них устраиваем засаду.

Камыш (или его Лимбовский аналог) с невинным видом качался вокруг, полоща корни в раскисшей болотной земле. Туфельки утопали в грязи и приходилось с чавканьем выдёргивать то одну, то другую стопу, каждый раз опасаясь, что захваченная обувь так и останется в яме. Над головой, расползаясь в мокрых ошмётках тумана, лениво светил надгрызенный ломоть луны. Вполне идиллическая картина, никак не вяжущаяся с засадой, вызывающей в памяти долгие ночные бдения, отдающая нестерпимо горьким несладким чёрным кофе и слипающимися до боли глазами.

Пижма задумчиво попробовала слово на вкус:

– Засаду?

Лео, довольный, что выступает в роли учителя для благодарного или, по крайней мере, не затыкающего уши слушателя, приложил палец к губам агента (и едва не поплатился им за развязность) и молча кивнул на медленно засыхающую обломанную крону дерева. Пижма вдохнула чарующий запах ромашки и с ломанием костей решила повременить. Более того, позволила схватить себя за руку и, что уж совсем немыслимо, увлечь в кусты.

– Если хотел подсесть ко мне поближе, мог бы просто попросить, – промурлыкала она, наслаждаясь видом вновь вспыхнувших щёк дракона. Как девица, честное слово!

Мерно шелестящие листья щекотали нос тоскливым обещанием осени. Всё вокруг счастливо зеленело, наполненное жизнью и влагой, и только слишком крепкое, чтобы пережить давешний шторм, дерево треснуло вдоль ствола и навсегда склонилось пред властью ветра. Иные, тонкие, гибкие, молодые деревца быстро приспособились: полегли, пока буря не затихла, и теперь выпрямились, готовые встретить ещё много-много рассветов. Но не это. Это дерево считало, что мощный ствол ничто не сломит, что оно выстоит в одиночку, не опираясь ни на кого, что не нуждается ни в чьей помощи. Нет, конечно, Пижма обо всём этом не думала. Она лишь пожалела, что крепкий и сильный исполин ныне годился только на перегной или в буржуйку, и точно не проводила никаких аналогий. Как-никак она была бойцом, а бойцам не свойственно выдумывать красивые метафоры. Для этого есть романтики, фантазёры, учёные, в конце концов, как тот Леонард. Но дерево всё равно жалко.

– Смотри, – Лео бесшумно отодвинул, не отрывая, мешающий обзору листик и указал на дальний край овражка, на чуть активнее других шевелящийся клочок тумана.

– Ура! Туман! – саркастично выразила восторг девушка.

– Не туда. Смотри не на туман, а сквозь него.

– В этом есть смысл?

– Во всём есть смысл.

Пижма прищурилась, попробовала по очереди прикрыть глаза, но разницы не заметила и шутку не оценила.

– Издеваешься?

– Да, но к делу это не относится.

– Учти, приятель, – предупредила агент, недобро показывая зубы, – мне очень не нравится чувствовать себя глупо.

Дракон ухмыльнулся, не рискнув уточнить, что пора бы уже привыкнуть, а туман, взревновав, видимо, что внимание достаётся кому-то ещё, вытянулся в тонкую любопытную полосу и подполз поближе. Если бы дракон и его телохранитель не были так заняты перебрасыванием ехидными комментариями, они бы успели заметить, как белёсая дымка, оценив серьёзность намерений охотников, пришла к неутешительному выводу, что лучшая защита – это нападение, и принялась раздуваться.

– Не дракон, а название одно. Ты не на болоте сидеть должен, а поливать огненным дождём близлежащие города!

– Сказала женщина, которая добровольно, попрошу заметить, потащилась на это болото вместе со мной.

– Я думала, у тебя тут клад! Или, на худой конец, кладбище безвинно убиенных.

– Пока нет, но всегда бывает первый раз.

– Это уж точно, – прошипела Пижма, припоминая, что пока ещё ей не доводилось придушить ни одного из клиентов. Но тоже только пока.

Ногу агента пощекотало прохладой. Она сердито топнула, бездумно отгоняя назойливого комара, и добавила:

– Я, чёрт возьми, в другой мир попадала не для того, чтобы шастать по болотам! Этого мне и в моём хватало! Где приключения? Где монстры? Где эпичные битвы и страстные влюблённые?

Леонард медленно шумно сглотнул слюну, глядя через плечо агенту:

– Не уверен, что смогу обеспечить прямо-таки эпичную битву, но, кажется, проблем на свои хвосты мы уже нашли.

Пижма мгновенно стихла, осознав, что расшумелась напрасно и явно привлекла внимание хищника:

– И эта проблема стоит у меня за спиной?

Лео, не делая резких движений, кивнул и процитировал один из заученных наизусть учебников:

– Укусы зелёного перебегунчика ядовиты для человека и способны превратиться в язвы с куриное яйцо за два дня. Если не предпринять соответствующего лечения у специалиста, то заражённый покинет бренный мир не позже чем через неделю с момента заражения.

– И этот зелёный бегунчик стоит позади меня? – Пижма не рисковала оборачиваться, признав непререкаемый авторитет учёного и, копируя его, старалась не двигаться.

Лео медленно покачал головой:

– У тебя за спиной красный перебегунчик.

– И на что же способен красный? – тоже шёпотом поинтересовалась она. Ноги подрагивали, готовясь к прыжку в сторону. Но поможет ли это?

– Красный не кусается. Он сразу жрёт. Объест труп до костей за восемнадцать минут.

– Для этого ему ещё понадобится этот труп добыть, – доказывая, насколько это нелёгкое занятие, Пижма ухватила поперёк пояса дракона и метнулась под ствол поваленного дуба.

Красный перебегунчик схватил призрачными туманными лапками пустоту и обиженно взвизгнул, завертевшись на месте.

Едва агент решила, что настал подходящий момент, чтобы выругаться, Лео навалился на неё всем телом, вжимая в траву, и отпустил только когда клок тумана, посверкивая многочисленными алыми бусинами глаз, припав к земле, как ищейка, ушёл на широкий круг почёта по склону оврага.

– И эту тварь вы назвали перебегунчиком?

– А как ещё? Он же не летает, а бегает, – лаконично возразил Лео. – А теперь тихо! Он слеп, но слух лучше, чем у секретаря совета магов.

– Тогда нахрена ж ему столько глаз?! – едва слышно булькнула агент.

– Это не глаза, – дракон, кажется, пытался утопить её в натёкшей во вмятину от их тел луже. – Это органы размножения. И, собственно, за ними я и пришёл.

– А твои вкусы весьма специфичны, – от смеха Пижма едва не нырнула в вонючую жижу добровольно, но дракон помог ускорить сей процесс, когда перебегунчик обнаружил, что вверх по склону никто из «охотников» не поднимался и не решил оперативно развернуться.

– Это мне… Для дела…

– О, я не сомневаюсь!

– Всё ради науки!

– Разумеется!

– Ложись!

Куда больше походящий на дикое животное, чем на милый цветочек, перебегунчик настроился крайне серьёзно. Органов размножения у него и без того водилось весьма ограниченное количество – всего триста восемьдесят две потусторонне светящиеся в темноте точки – и делиться ими во имя науки и

просвещения он не собирался. Более того, справедливо считал, насколько, конечно, чуть более интеллектуально развитое существо, чем тыква с мозгами саранчи, может считать, что люди – не более чем шумный бутерброд. Не зря же они с завидным постоянством пропадали на болотах, выискивая источник призывно мерцающих огоньков. Поэтому перебегунчик, сноровисто вырастив из тумана ложноножки, улиткой пополз на звук.

– Это же всего лишь туман, – не сумев убедить даже саму себя, пискнула Пижма. – Что он нам сделает?

– Сожрёт, – лаконично ответил более подкованный в вопросах био-зоологии дракон, но решил уточнить: – Разъест все мягкие ткани, растворив их в подобии слюны, которое выделяют эм… точки.

– Та-а-ак, – подобный исход в планы агента никак не входил. – И как же с ним стоит себя вести?

– Не злить, не шуметь, подкрадываться, когда он засыпает после кормёжки, – заученно оттарабанил ответственный ученик.

– А если для этого уже поздно?

– Бежать? – предположил дракон.

В очередной раз проползая мимо и оставляя за собой ленту гнилья вместо густой болотной зелени, тварь заставила парочку снова булькнуть тиной.

– А успеем? – Пижма была в себе вполне уверена, но скорость, с которой туман втянул в себя и схарчил попавшегося на пути соловья, не внушала ложных надежд.

– Как раз представится повод узнать. Если выживем, я запишу эту без сомнения ценную для потомков информацию.

– Давай лучше я запишу, – предложила Пижма. – Пока оно будет жрать тебя, я точно успею сдёрнуть.

– И бросишь меня без зазрения совести? – ужаснулся дракон.

– Без малейшего, – подтвердила девушка, но реализовывать угрозу не спешила, хотя и всерьёз рассматривала её, пусть и на самый крайний случай. – А ты можешь его сжечь?

– Чем это? – в доказательство отсутствия огнемёта Лео похлопал себя по карманам.

– Да лягать тебя хромой кобылой! Ты ж дракон!

– Да неужели?! – дракон саркастически почесал чуть заросший щетиной подбородок. – А я, наверное, подзабыл!

– Лёня, – девушка смутно начала подозревать неладное. Нет, она точно видела хвост. Он вырос прямо из… Она приподнялась, чтобы оценить подтянутый зад напарника. Ну да, прямо оттуда он и вырос. Правда, потом отвалился, как у ящерицы. – Лёня, ты какой-то не такой дракон, – пришла к неутешительному выводу она.

– Увы! – не стал отпираться учёный. – Зато я крайне талантливый алхимик… гм, – Лео запнулся, – то есть, просто талантливый алхимик. Ну или… неплохой. Проклятье! Да неудачник я, неудачник! Колдун из меня никакущий, матушка до сих пор моё имя стесняется в обществе произносить, алхимик тоже паршивый. И да, дракон тоже из меня не вышел! Потому мне и нужны эти проклятые пестики перебегунчика! С ними всё может получиться, понимаешь? Всё! Долгие годы работы, тонны литературы и сотни разных вариаций зелья!

– Господи, неужели мне даже дракон нормальный не мог достаться?!

– У каждого в этом мире своё проклятье, – перевернувшись на спину, вероятно, чтобы равномерно изваляться в грязи, Леонард смиренно сложил руки на груди и приготовился к безвременной кончине, раз уж своевременных славы и признания всё равно не добился.

– Кончай депрессировать, – девушка неуверенно пнула его носком безнадёжно испорченной туфельки, но дракон замотал головой и зажмурился, демонстрируя

полнейшее повиновение жестокой судьбе. Пижма не выдержала: – Ладно, а если я достану тебе эти глазки, тьфу, тычинки или что там, ты перестанешь ныть?

– Ничего не могу обещать, – безнадёжно пробормотал в темноту дракон-неудачник.

– Нет, это невозможно, – Пижма поднялась во весь рост в полной уверенности, что совершает не меньшую глупость, чем сегодня утром, соглашаясь работать подставной девственницей для дракона. А потом его же телохранителем. Нда, кажется, глупости начинают входить в привычку. Что ж, одной больше, одной меньше. – Эй! – завопила она, приманивая хищника. – Эй, пучеглазый! Я тут! Сюда, маленький, давай, ползи, хорошенький!

Ни маленькой, ни, тем более, хорошенькой тварь уже никак не могла считаться: отяжелев на перекусах перед основным блюдом, она раздулась до размера полноценного быка и, сверкая, алыми точками… нет, определённо приятнее считать это глазами, грузно трещала в кустах, выискивая лягушат или птичьи гнёзда. Крикливую девицу она, разумеется, посчитала более питательным блюдом и с готовностью сменила направление.

– Кажется, она ненормальная, – дошло, наконец, до Леонарда, и имел в виду он явно не перебегунчика. Дракон приподнялся на локтях, наблюдая за ловко перепрыгивающей с кочки на кочку девушкой. По-рыцарски развевающийся плащ открывал ни с чем не сравнимый обзор на верхнюю, как правило, куда менее привлекательную, чем нижнюю, часть женских бёдер. Но конкретно эти бёдра, надо признать, выглядели крайне заманчиво, куда более, чем идеально прорисованные изгибы многочисленных холёных ведьмочек из сборников, наличие которых у себя дома Лео всячески отрицал. Таким бёдрам ни один нормальный мужчина не имел морального права дать сгинуть в четырёх желудках прожорливой твари. Ненормальный мужчина также посчитал себя обязанным помочь, поднялся и стал рядом.

– А как же глубокая депрессия и творческий кризис? – едко уточнила Пижма.

– Отложим.

– Тогда загоняй его туда, – «туда» едва заметно сладко пованивало тухлятинкой. Не то околевший от старости, не то покончивший с собой из-за

несправедливости мира полуразложившийся лис укоризненно взирал из ямы провалом левого глаза.

– Перебегунчики не падальщики – они охотники, – возразил Леонард. – Если бы труп его привлекал, от него уже не осталось бы следа.

– Зато он замирает на двадцать секунд каждый раз, когда натыкается на что-то съедобное и только потом решает, есть его или ползти мимо.

Леонард сделал попытку выудить из плаща клочок бумаги, чтобы зафиксировать интересные наблюдения без отхода от производства, но Пижма сердито отняла приглянувшуюся ей накидку вместе с содержимым карманов.

Не дожидаясь второго приглашения, тварь зачастила ножками в сторону позднего ужина. Ужин, вопреки серьёзным намерениям, не удержался от вопля, разделился надвое и, обежав поваливающую яму с двух сторон, вновь соединился на противоположном её краю. Перебегунчик раздваиваться не стал, посчитав, что напрямиг быстрее.

Труп лиса в последний раз чавкнул и скрылся под белёсым пузом, любопытно облепленный алыми точками.

Двадцать секунд маловато, чтобы сбежать, но, если столкнуть в яму человека, времени скрыться вполне хватит. И что-то подсказывало Пижме, что в Лимбе нет ни полиции, ни доброхотов, расследующих драконьи убийства на досуге. Её рука дрогнула лишь на мгновение – вдруг не получится? Леонарда пришлось хватать за шиворот: любопытно разглядывая пробующего новое блюдо перебегунчика, он так склонился над ямой, что едва не свалился в неё без посторонней помощи. Придерживая одной рукой рубашку дракона, вторую Пижма запустила в самое надёжное место для хранения ценностей – в бюстгальтер – и жестом фокусника извлекла перцовый баллончик. Спецподготовка спецподготовкой, а с этой простой, но нужной штукой, одинокой девушке отправляться на позднюю прогулку куда безопаснее.

Мощная струя ударила по ничего не понимающей твари сверху. Перебегунчик зашипел, сбивая в кучу все свои хаотично плавающие по телу глазки-тычинки, попытался тонким слоем распластаться по дну ямы, спасаясь от неведомой напасти, и принялся усыхать в попытке прошмыгнуть мимо явно куда более

страшного и хитрого хищника. Но хищник оказался не просто страшен, а чудовищен! Продолжая отрезать перебегунчику пути к отступлению ядовитыми парами, он снова разделился надвое и тыкнул острым в незащищённый бок.

– Не дыши, сказала! С наветренной, с наветренной стороны заходи! – подбадривал себя хищник боевым кличем.

– Сама заходи! Я его знаешь, как боюсь!

– Как же ты собирался его в одиночку расковыривать, дурень?!

– Я не собирался! Я его только выслеживал и ждал, пока подохнет от старости!

– Ты бы скорее сам подох, причём от глупости!

– Ничего бы и не подох!

– Да если бы я следом не шла!..

– Так ты же шла!

В какой-то момент красный перебегунчик подумал, что умереть от старости и позволить жутким царям природы, именующим себя учёными, поизмываться над трупом, было бы проще. По крайней мере, быстрее.

Довольный Лео пересыпал добытые светящиеся алым кругляшки жёлтым порошком и с видом победителя, истекая тиной и грязью, потопал домой, не забывая объяснять спутнице, что, кабы не его великие познания, добыча и ловцы наверняка поменялись бы местами. Пижма задумчиво молчала, сжимая в кулаке баллончик и прикидывая, что ещё на один пшик его хватит. В её голове назойливо крутилась мысль, что во сне не могут так сочно чавкать туфли, реалистично саднить царапины и щипать в носу.

– Ты не представляешь, какой это прогресс! Не представляешь ведь, да? – с надеждой заглянул Лео в глаза телохранителю, торопливо расшнуровывая отсыревшую обувь.

– Не представляю, – покорно согласилась она, не заботясь мгновенно краснеющим свидетелем, скидывая всё ещё находящиеся на ногах, но не поддающиеся восстановлению туфли, плащ, и прилипшую к телу рубашку. Одеяло бесследно пропало на поле боя, поэтому пришлось натянуть на себя какую-то невероятно аляповатую тяжеленную тунику, смахивающую на платье девицы специфической профессии. Лео попялился, разинув рот, чуть дольше, чем следовало бы приличному дракону и, махнув рукой, последовал примеру: заболеть никому не хотелось. Он хозяйственно развёл очаг, сунул в таз и залил водой грязную одежду и, едва не подпрыгивая, бросился в тайную комнату, оставив дверь на распашку. Пижма посчитала это приглашением и двинулась следом.

Он носился от одного бутылька к другому, смешивал, взбалтывал, удерживал на горелках, сверялся с кривыми записями на полях разваливающихся от старости книг и, кажется, совершенно не замечал замершую посреди комнаты девушку.

Если кабинеты алхимиков-неудачников выглядят так, то Пижма ничегошеньки не понимала в этой жизни. Нет, комнату не украшала лепнина или золотые завитки, но в ней теснились груды фолиантов, пучков трав, порошков и камешков неизвестного, но определённо драгоценного происхождения. В углу валялась россыпь алых осколков неровной формы, от которых лужей растекалось застывшее золото.

– А-а-а, – слабо протянула девушка.

Лео проследил за её взглядом и равнодушно мотнул головой:

– А, это философские камни. Их в Лимбе как грязи. Бери на память, если хочешь. Только осторожно, не хватай голыми руками, вон тряпкой подцепи, а то потом замучаешься пальцы отскребать. И стены лучше не трогай: кладка из сапфирового куся, обжечься можешь.

Цветные жидкости шипели, вязкими каплями перекатываясь по тонким трубкам, петляющим по стенам и потолку, стекали на пронумерованные блюдца, издавая едкий запах.

– Что? – Леонард заметил, что Пижма не торопится ни бросаться за осколком невиданной для её мира драгоценности, ни приходить в себя.

– Да у тебя же здесь… как в сказке! – благоговейно прошептала она.

Дракон зарделся. Какой мужчина не любит, когда хвалят его любимое дело. Но сознался:

– Нету тут никакой сказки. Даже близко нет. Когда-то была, но не стало. Много-много лет назад мужчины в моём роду умели превращаться в драконов, но…

– Измельчали? – нервно пошутила агент.

– Ты не представляешь, насколько права, – Леонард осторожно раскрыл мешочек с сегодняшней работой, бережно щипчиками вытащил одного светлячка и с вытянутой руки добавил в заполненную по капле колбу. Жидкость сразу вспенилась и выбросила клуб едкого дыма. – Измельчали, именно так. Теоретически, в нашей… в моей крови всё ещё содержится доля той магии. Но как её активировать, не знает никто из совета магов, ни один философ, монах или учёный. Поэтому ответ я решил найти сам, раз уж больше ни на что не годен.

Мужчина подозрительно осмотрел продолжающую бурлить жидкость, взболтал, тяжело вздохнул и, поплевав через плечо, рискнул:

– Правда не всегда опыты удачные. Ну, твоё здоровье!

Закашлявшись, Пижма бросилась к стене. Кажется, Лео растаял, расплавился, то ли изнутри, то ли снаружи. Вот уж не так она планировала выполнить задание нанимателей. И вроде не виновата ни в чём, а всё равно как-то мерзко…

Вот только Леонард не собирался покидать бренный мир так легко. Раздался рык, который не мог принадлежать собаке, волку или тигру. Горелки отбросили на стену крылатую тень. Впервые Пижма поняла, что, кажется, дракон – это не шутка. Она подняла голову и… захохотала.

– Ну давай, смейся, – обиделся дракон, выгибая длинную изящную, почти лебяжью шею.

– Прости-и-и-и! – стонала она, не в силах замолчать. – Экология, да? Стрессы?

Дракон сердито зашипел, приподнимая чешуйки за щеками:

– Не вижу ничего забавного! Я получился правильной формы, а это уже прогресс!

– Прогресс, конечно, прогресс! И вообще, у мужчин такое случается, не расстраивайся!

– Ты просто не видела, с чего я начинал. Результат нужно сравнивать с собственными вчерашними достижениями, – с достоинством облизался раздвоенным языком ящер.

– А то! – с готовностью согласилась Пижма. – Сейчас мы передохнём, перекусим и обязательно попробуем ещё раз!

– Почему мне кажется, что ты надо мной издеваешься? Ты уверена, что стоит злить Дракона? – змей склонил голову, выдыхая копоть, и двинулся к девушке. Огромная тень на стене уменьшалась обратно пропорционально разделяющему их расстоянию.

Пижма облизала пересохшие губы, улыбнулась, показав щербинку между зубами, щепотью, как кошку, подхватила дракона за загривок и усадила на сгиб локтя. Крохотный дракоша, хоть и оказался тяжеловатым, поместился идеально:

– Тебе не кажется, – она почесала чешуйки под подбородком самого опасного монстра Лимба. Монстр обиженно пыхнул дымом, но почесушки оценил, поэтому выворачиваться не стал, доверчиво подставил чувствительный шейный бугорок нежным пальцам, да так и уснул.

Глава 4. Про тяжёлый кулак и лёгкую руку

До утра дракончик пробыл дракончиком. А потом действие зелья кончилось, чешуйки втянулись, тело удлинилось, и проснулась Пижма уже в объятиях Леонарда, а не его звериной ипостаси. Признаться, хвостатая версия девушке нравилась больше: после ночной прогулки и купания в холодной болотной грязи живая грелка пришлась как нельзя кстати, но не ругаться же теперь за то, что человек посмел вернуться в своё естественное состояние.

Мужчина потянулся, едва не свалив телохранителя с узкой софы, сладко причмокнул губами и с довольным видом прижался щекой к её груди. Пижма слегка опешила: подобную беспардонность следовало бы наказать, но… но он дрыгает ножкой во сне и сопит! Разве у неё поднимется рука на такое милашество? Доказывая самой себе, что поднимется, да ещё как, она щёлкнула наглеца по носу. Легонько, но ощутимо. Дракон хрюкнул и проснулся.

– Доброе утро! – невозмутимо поприветствовал он. Пижма промолчала, выразительным движением бровей показывая, что, раз уж она проснулась в объятиях голого полузнакомого мужчины, то он хотя бы должен накормить её завтраком. Леонард, кажется, подумал о том же: – Есть хочешь?

Девушка укоризненно развела руками и поджала губы: а сам не видишь?

– Даже если это будет хорошо промаринованная девственница? – уточнил дракон, прыгая на одной ножке, чтобы второй попасть в штанину.

– Промаринованная, прожаренная, пропаренная… Не заставляй меня истекать слюной, приятель!

Лео замаскировал хихикание звоном посуды, правда, с каждой минутой звон становился всё более растерянным.

– Пижма, мне слегка неловко…

– Если ты скажешь, что оставишь меня без еды, я начну всерьёз задумываться об экзотической кухне и драконятине, – пригрозила жертва вынужденной диеты.

Леонард безропотно замер:

– Тогда не скажу.

– Но сути дела это не меняет?

Лео замотал головой так радостно и так насмешливо сверкая глазами, словно выкинул лучшую шутку недели.

– Чего лыбишься? Как будто сам не голодный.

– Голодный, ещё какой! – подтвердил он. – Но это значит, что нам придётся спуститься в село.

– И что же тут такого хорошего? Эти ребята вчера тебя на фарш собирались перекрутить. Думаешь, сегодня они подобрели?

Дракон, уже наполовину скрывшийся в сундуке со всякими ненужными мелочами, беззаботно отозвался:

– Они не знают, что я человек, так что закупаться на ярмарках учёному аскету никто не мешает, – в доказательство собственной аскетичности Лео достал новенькие начищенные сапоги и туго набитый кошелёк. Пижма из интереса сунула нос в лимбовскую валюту: что в ходу в стране, считающей золото грязью? Однако шарики, похожие на угольки, восторга не вызвали.

– Это считается много? – указала она на тоненько звенящий мешочек.

Лео отсыпал в поясную суму горсть, остальное убрал на место и сдержанно кивнул:

– Достаточно, чтобы перекусить, закупить продукты и заглянуть в ещё одно местечко.

– Не люблю тайны, – Пижма с трудом натянула предложенные кожаные штаны и с куда большим удовольствием нырнула в широкую горчичного цвета рубашку, также обитавшие в ларе.

– Никаких тайн. Просто я не могу позволить прекрасной леди щеголять в старой мужской одежде. Купим тебе новое платье. И туфли, – добавил он, виновато подавая пережившую все невзгоды обувь.

– А шоппинг люблю ещё меньше! – признаваться, что, не получив утреннюю порцию кофеина, она ненавидит вообще всё, девушка постыдилась, поэтому, чтобы не показаться ханжой, в долину спускалась безропотно и, если и ругаясь, то сквозь зубы и безадресно.

Вчера её доставили сюда с противоположной стороны холма, видимо, чтобы хитрый дракон не заподозрил неладное, так что Пижма, всегда далёкая от красот природы и считающая неотъемлемыми составляющими отличного отдыха интернет и пиво, невольно залюбовалась.

Деревенька выделялась яичным желтком в ямке подготовленной для теста муки: маленькие домики, норовящие перещеголять друг друга цветастыми боками, теснились в серёдке утопленной в верхушку горы поляны; во все стороны разбегались ленты разноразмерных тропинок и казалось, что одна или две вот-вот прорежут каменную стену, и тогда не сдерживаемые холодным камнем краски, перемешавшись, хлынут наружу, затапливая и расписывая серый мир.

– До чего же тоскливо тут, наверное, живётся, – фыркнула Пижма, загоняя кольнувшую в сердце зависть поглубже. – Делать нечего, пойти некуда. Тоже мне, идиллия!

– А мне нравится. Так у них спокойно, так светло. Вдали от городов люди умеют оставаться счастливыми, ещё помнят, каково это, – честно ответил Леонард. Нет, он вопиюще неправильно себя ведёт! Разве имеет права мужчина, да вообще кто-либо, делиться чувствами? Хвалить что-то, вставать на защиту вместо того, чтобы бросить едкое замечание?

– Угу, только они тебя прибить хотели. Развлечения ради.

– Они не со зла, честное слово! Это всё пропаганда. Магических существ всегда побаивались, вот и записали дракона в злодеи, не разбираясь, что к чему.

– И ты их ещё выгораживаешь?! – вот сейчас он начнёт отпираться и доказывать, что люди, конечно, идиоты, но он выше их глупости.

– Да, выгораживаю.

– Почему?!

– Потому что они мне нравятся. И потому что мне есть, с чем сравнивать. Поверь, эти люди – хорошие. Ну, практически все, – Лео злобненько потёр ладошки друг об друга и агент удовлетворённо хмыкнула: нельзя совершенно бескорыстно любить людей. Люди – сволочи. Это всем известно. А Лео просто притворяется, чтобы не показаться циником новой знакомой. Но Пижма-то знает, с какой лёгкостью торгуют человеческими жизнями те, у кого появляется такая возможность.

Назвать ярмаркой ежеутреннее скопление торговок у главных ворот деревеньки (крест-накрест сбитые у самой широкой тропки доски при полном отсутствии забора) не повернулся бы язык даже у подхалимов, обладающих, как известно, поистине поэтической фантазией. Тётки просто собирались на рассвете почесать языки, но, дабы не прослыть бездельницами, прихватывали с собой на обмен огородные дары да всякую ненужную мелочь: керамику, вышивку, резные ложки, неугомонных детей, которые дома до возвращения матери успеют всё разнести. Последние, зевая, со страдальческим видом держались за материнские юбки или сидели на земле, опираясь о чьи-нибудь ноги. Безобразничать в такую рань не хотелось ни одному хулигану.

– Пошли, – потянул Лео подругу к немолодой конопатой тётке. Пижма напрягла память, но так и не сообразила, видела ли её в толпе жадных до драконьей крови селян.

– Леонард, мальчик мой! – заметила она парочку ещё на подходе и сразу раскрыла объятия, потрясая огромной мягкой грудью.

– Здравствуйте, Элла, очень рад вас видеть! – отдышавшись и высвободившись улыбнулся Лео. – Вы, я смотрю, только молодеете и хорошеете?

– Болтун! – покатываясь от грудного смеха, она погрозила дракону толстеньким коротким пальцем. – Слушала бы и слушала!

– А ты не перебивай! – тут же начали советовать подружки.

– Пусть хвалит, а то кто нас ещё добрым словом порадует?

– Точно-точно, от мужа такой милости не дождёс-с-с-ся!

– Ну-ка отошли от моей лапочки! – шутливо замахнулась Элла на тесно обступивших пришельцев товарок. – Что это ты к нам сегодня так рано, милый?

– Да как-то забегался, а в погребах пусто, – Лео смущённо склонил голову. – Надо было давно закупиться. Да и кое с кем хотел Берда познакомить.

Пижма предприняла попытку провалиться сквозь землю, дабы избежать внимательных взглядов. Попытка, к сожалению, не удалась. Более того, радостная Элла, игнорируя весьма заметные потуги освободиться, притянула к себе, облапила и только что под мышку агенту не заглянула:

– Ах, какая красавица! – щебетала она. – Сильна! Хороша! Крепка как! Не жена – загляденье! Вот кабы мой Берд такую привёл, я бы ему слова не сказала! Ох, Леонард, хитёр ты, хитёр! То молчок, рот на замок, всё уверял, что тебе одному хорошо и вольно, то – раз! – и сразу с женой! Ну, мальчишка!

– Да я ему не… – Пижма не закончила фразу. И вовсе не потому, что на долю секунды одобрительные возгласы показались ей приятными, а напутственные речи легко краснеющему «муженьку» забавными, нет. Просто она пожалела Леонарда, кажется, искренне довольного, а может и специально подстроившего недоразумение. Ну каким же надо быть чудовищем, чтобы заставить его огромные светлые глаза смотреть растерянно и обиженно, а не воодушевлённо? Пижма промолчала. Всё-таки наниматель в праве представлять телохранителя как ему вздумается.

– Нам только кое-чего из одежды купить, и сразу к вам, – пообещал Лео после третьего ультимативного требования толстушки присоединиться к семейному завтраку.

– Ну загляните к Атти, – посоветовала женщина. – Он наверняка ещё спит, ты же знаешь, но переживёт. Только воды ведро с собой возьми. На колодце стоит. Да вернуть не забудь!

– Не забуду!

– И сразу к нам! Берд третьего дня о тебе вспоминал. Соскучился видать.

– Чего говорил?

– Да как водится. Что неудачник ты, дурья башка, – хлопнула себя по бедру Элла.

Доброжелательная улыбка не сходила с лица Леонарда и когда он, приговаривая «это я неудачник? Да я покажу тебе, кто здесь неудачник!», с достоинством удалялся от кучки торговок, не забыв прихватить с лотка и сунуть в руки голодающей спутнице пирог с мелкими, похожими на чернику, ягодами, ни когда набирал из колодца ведро ледяной воды, ни когда тащил его к окружённому символическим, ниже колена, плетнём домику. С той же безумной улыбкой он бесшумно пересёк двор и открыл незапертую дверь. Тесно уставленная рулонами тканей, под завязку забитая начатыми, но не дошитыми платьями, туниками и камзолами, совершенно женская комнатка никак на вязалась с почивающей в кровати необъёмной тушей, увенчанной, как короной, спутанной бородой. Пижма всерьёз задумалась над тем, что за мёртвого дракона ей доплату не обещали, а спасать его от разбуженного бугая будет ой как непросто, поэтому понадеялась, что у Лео хватит такта (и благоразумия) вежливо дождаться пробуждения владельца дома.

Но дракон, не таясь, с совершенно невозмутимым видом перевернул над лицом бугая ведро воды.

– Ты что творишь, идиот?! – телохранитель едва успела оттащить подопечного, когда мощная волосатая ручища взметнувшегося мужика просвистела аккурат в том месте, где находилась голова Лео. – А если бы я рядом не стояла?!

– Но ты же стояла, – с оптимизмом ребёнка растянул губы он.

– Так я сейчас уйду и разбирайся сам!

– Не уйдёшь, – дракон уверенно развернул девушку носом к разъярённому мужику и подтолкнул, мол, выполняй свой долг.

С лёгкостью вывернувшись, Пижма за плечи подставила под удар ботаника:

– Я трезво расцениваю свои силы и к этому медведю не полезу!

Медведь, запутавшись в одеяле, слепо шарил в воздухе, оборачивая заготовки одежды, рассыпая многочисленные иголки и нитки, с треском натыкаясь на стены, причём весьма вероятно, что трещало именно дерево, а не прошибающий его лоб.

– Неужели боишься? – Лео в притворном ужасе схватился за сердце. – Хочешь сказать, ты не всесильна и не во всём разбираешься лучше всех?

– Я разбираюсь в людях. И этот нам обоим сейчас люлей навешает!

– Неужели? – вопросительно склонив голову, Леонард задумчиво постучал пальцем по выпяченной нижней губе. – То есть, если я сейчас его заборю, ты перестанешь обращаться со мной, как с молокососом?

– Это моя работа!

– Держать всех за идиотов?

– Как минимум!

– Ну, тогда объясни это ему, – он галантно отступил, освобождая дорогу к бодающемуся с дверью мужику. Дверь проигрывала.

– Ладно! – сдалась Пижма. – Если ты его успокоишь, признаю, что ты крут, о великий, ужасный и кусачий!

Удовлетворённый ответом, Леонард, привычно уворачиваясь от ударов, летящих с самых неожиданных, в том числе для обладателя рук, сторон, подкрался и сдёрнул одеяло.

Пижма едва не пробила себе лицо ладонью: единственное преимущество, а придурок из благородных побуждений и его аннулировал! Нет, этот клиент определённо пытается самоубиться!

– Доброе утро, Атти! – почтительно поздоровался Леонард с мокрым, дрожащим от холода и вращающим выпученными глазами мужиком, в полтора раза превосходящим его по росту и в три по ширине. – Прости, что так рано.

Но мужик, вопреки ожиданиям, не бросился убивать обнаруженных суицидников, а безропотно утерся краем одеяла и всмотрелся в посетителя:

– Леонард, ты? Какими судьбами?

– Да вот проходил мимо. Дай, думаю, старого друга навещу, заодно работёнку ему подкину.

– Работёнка – это всегда хорошо. Сам знаешь, у нас с ней туго, – кинулся обниматься он. – Ща!

Пока Атти, косолапо топая, ходил переодеваться в сухое, дракон лукаво подмигнул подруге и без обиняков принялся рытье в огромном, забитом одеждой шкафу.

– Не смущайся, – поторопил он девушку. – Это Атти. Он портной и кожевник. Приоденем тебя здесь. Выбирай.

– А он тебя того… не? – Пижма недоверчиво следила за огромным силуэтом в соседней комнате.

– Чего? Того? А, не! – Леонард, сообразив, что так смутило агента, приподнял опустевшее ведро. – Его иначе не разбудить, все знают. Это же Атти!

– Атти, – слабо проговорила Пижма, как будто соглашаясь с тем, что происходящее совершенно нормально. – Ладно, ты меня уделал.

– И за это ты позволишь за тобой поухаживать и купить новую одежду?

– Это же халява, – передёрнула плечами Пижма, скрывая смущение. – Я бы позволила тебе купить мне что угодно и без дурацкого представления, – тут она соврала. Не позволила бы, принялась бы торговаться и выяснять стоимость

подарков.

– Но тогда было бы не так весело.

Телохранитель запоздало осознала, что охранять драконов – дело куда более неблагодарное, чем она считала.

– Я возьму вон те ботинки. И штаны, – она с наслаждением оттянула пояс измучивших взопревшее тело кожаных, – в которых можно дышать.

Наверное, правильный телохранитель отказался бы от подношений. В крайнем случае, принял бы их в счёт оплаты работы. Но правильный телохранитель остался очень далеко, в реальном мире. Скорее всего, в коме или в психбольнице. А этот уже перестал чему-либо удивляться. Пижма покорно взяла и ботинки, и штаны, и ворох куда менее удобных, чем мужские, рубашек, и платье, носить которое в горах не рискнула бы и самая отчаянная модница, но, раз дают за бесплатно, пусть будет. Когда-то очень давно, сопливой студенткой, Пижма любила наряжаться. У неё тогда имелось настоящее имя, а не прозвище, а вечеринки и праздники неизменно становились местом отдыха, а не дежурства, где, единственная трезвая, она ответственно следила за ушедшими вразнос толстосумами.

– Ну! – торжественно пробасил довольный количеством сбытого товара Атти. – Ну совсем другое дело ж, а?!

Агент угрюмо кивнула: дело и правда было совсем другое и как оно превратилось в затянувшееся переодевание она до сих пор не поняла. Однако после ягодного пирога в животе почти не урчало, женские штаны сидели куда удобнее мужских (до чего же тощий этот Леонард!), а блузки, чего греха таить, радовали пока ещё не до конца задушенную внутреннюю кокетку.

– А вот теперь пора пойти на завтрак, – любуясь на переодевшуюся и причесавшуюся девушку, Леонард так устрашающе понизил голос, точно только теперь счёл её достойной поедания.

– Меня неизменно преследует ощущение, что ты чего-то не договариваешь, – Пижма требовательно скрестила руки на груди, любуясь вытянувшейся от подобного выразительного зрелища физиономией дракона.

– А ты? – прокашлявшись, в тон ей поинтересовался Лео, но намеренно не обратил внимание на быстро отведённый в сторону взгляд. – Хочу познакомить тебя с Бердом, только и всего.

– Кто такой Берд?

Дракон не стал увиливать: врать он всё равно не умел.

– Берд – старый друг. Он хороший.

– Но?

– Никаких но. Он хороший человек, мы давно знакомы, он очень талантливый, хоть и ленивый, музыкант…

– Но? – ещё раз подсказала Пижма.

– Но я его ненавижу! – выпалил Лео, явно стыдясь низменного чувства.

– Это уже ближе к сути. Почему?

– Потому что он всё время надо мной издевается! – шмыгающий носом, смущённый собственным ребячеством, Леонард мял завязки наполненного тряпками узелка и кусал губы. Наконец смирился с позором и рассказал, как есть: – Мы познакомились четыре года назад, когда я только обосновался в пещере. Спускался сюда за продуктами, за травами, какие сам ещё не научился собирать. Ну и с другом повидаться, конечно. Не подумай чего, он весёлый, хороший, с ним интересно… Но он надо мной смеётся. То я оборванец, потому что тунику о шиповник зацепил, то неуч, потому что не забрал сдачу, закупаясь, то не нужен никому, потому что у него по три подружки на неделе (и где он только их находит, чтобы одна с другой не пересекались?!), а у меня никого…

Вот оно, больное место. Пижма впервые за долгое время улыбнулась искренне, беззлобно. Нет, всё-таки Лео – наивный мальчишка. А ещё пытается доказать обратное.

– Так он смеётся над тобой, потому что ты занят наукой, а не женщинами?

– Да. И я… Прости, я хотел показать ему тебя. Ты же такая… Такая, – бедняга не мог подобрать нужного слова, лишь бездумно обрисовывая в воздухе очертания женской фигуры. С точки зрения Пижмы, нафантазированные очертания сильно превосходили реальные, но разве это главное?

– Что ж, – девушка распустила туго зашнурованный ворот, собрала и завязала узлом на талии длинную рубашку, растрепала и без того не поддающиеся расчёске волосы. – Поиздеваться над другом – дело святое. Это задание по мне.

Леонард просиял и попытался неловко обнять «подружку» за талию, всё время испуганно отдёргивая руки.

– Но-но! – предупредила она.

– Рановато, да? – отступил назад Лео.

Пижма тяжело вздохнула, понимая, что начинает творить редкостную хрень, и положила руку приятеля куда следует.

– Смелее обнимай. И из роли не выходи, – напутствовала она. – Любимый.

Глава 5. Это нелёгкая борьба за добро и справедливость

Выйти из роли Леонарду было бы непросто, потому как пока что не получалось в неё хотя бы войти. Стоило Пижме прильнуть к возлюбленному, как дракон, будто делает нечто незаконное, краснел, аки подросток, лепетал извинения и меньше всего походил на уверенного в себе мужчину.

– Ты что творишь, ирод?! – прошипела агент, когда Лео в очередной раз отскочил от неё.

– Что я? Я ничего, – оправдывался он.

– Вот именно! – Пижма не без усилий разжала его кулак и втиснулась в объятия, придерживая норовящую исчезнуть ладонь локтем. – Ты любовника изображаешь или монаха? Шлёпни меня по заднице, топни ногой! Ты мужик или где? Ай! Да не прямо сейчас, придурок, а на зрителя!

– На зрителя я не могу. Это же невежливо…

– А врать другу – вежливо?

Лео надулся:

– Он заслужил.

– Тогда веди себя, как альфа-самец и не выделывайся! – агент замахнулась дать неучу оплеуху, но вовремя сообразила, что, во-первых, сразу перестанет походить на влюблённую дурочку, а во-вторых, хилый дракончик на деле оказался сильнее, чем на вид, а стиснутый от смущения кулак твёрд, как камень.

– Да, дорогая, – покорно согласился альфа-самец.

Напутственную речь Леонард принял за чистую монету. Откровенно говоря, будучи весьма симпатичным малым, он не имел ни малейшего понятия, как вести себя с женщинами. Нет, конечно, этикет для дракона не был пустым звуков. Чешуйчатый монстр успел получить отличное образование, умел оставаться вежливым и обходительным и даже в теории знал, что дамам полагается читать стихи и петь серенады. Но причин вести себя столь специфичным образом, когда дома лежит стопка недочитанных книг, а результаты эксперимента вот-вот начнут походить на ожидаемые, не находил. Посему одиночеством больше наслаждался, чем истязался. Однако Берд пропагандировал иной образ жизни, давно и бесповоротно записав друга (не без оснований) в конченые заучки. Показать такому, что самый привлекательный орган мужчины – ум, а вовсе не льняные кудри, пухлые губы или лютня, – святое дело.

– Извини, пожалуйста, – вздохнул Лео у дверей нужного дома, понимая, что, либо получит за задуманную проделку по ушам, либо прослывёт… как там Пижма говорила? Альфа-сапиенсом?

– За что?

– За это.

Стоило двери распахнуться, он зажмурился и шлёпнул. Элитный спецагент от неожиданности рухнула на руки стоящему на пороге Берду.

– Вперёд, женщина! Не заставляй меня ждать! – поторопил её в спину голос Лео. Больше удивлённый собственной находчивостью, чем развязный.

– Да я тебе… Гм, да, милый! Как скажешь! – вовремя исправилась она.

– Ого! Вот это я понимаю гости! – успевший облапать Пижму в самых интересных и некоторых не слишком местах, идеальной красоты мужчина лучезарно улыбнулся, поднимая к нежным, почти девичьим, губам её ладонь. – Берд, к вашим услугам! Откуда в наших краях? Привет, тощак! – походя кинул он через плечо, поленившись озаботиться приглашением в дом второго гостя.

Наверное, пять лет назад Пижма бы зарделась, глупо засмеялась и, подыгрывая очаровательному красавчику, с удовольствием позволила бы себя соблазнить. Но пять лет назад она была куда более наивна и доверчива, чем сейчас, поэтому точно не обратила бы внимание на куда более интересного мужчину: того, который, со слегка оскорблённым, но всё равно достойным видом проследовал к столу за ними; того, которому не пришло бы в голову устраивать на людях скандал из-за чрезмерного внимания к «его женщине»; того, который в первую очередь озаботился тем, чтобы она не осталась голодной, а дома зорко следил, чтобы не простудилась. Пижма брезгливо сбросила шаловливую ладонь, уже начинающую ненавязчиво поглаживать её спину.

– Милый, так это и есть тот самый Берд? – она вежливо отступила и протянула руку, показывая, что знакомство недостаточно близкое для объятий.

Лео тем временем уже устроился за большим деревянным столом, придержав место для подруги:

– Он самый. Берд, хотел представить тебе мою дорогую Пижму.

Дамский угодник перевёл взгляд с одного на другую и недоверчиво сморщил нос. Быстро сориентировавшись, агент послала «любимому» смачный воздушный поцелуй, а тот с готовностью поддержал пантомиму: поймал его и прижал к сердцу, изображая максимальный градус обожания.

– Очень рад, очень, – повторил попытку наступления Берд, неумело, но старательно кланяясь. Но девушка, едва затрепетав ресницами, ретировалась к Леонарду и повисла на нём с такой готовностью, словно примерялась к удушению. Леонард слегка смутился, но мешать страстному проявлению чувств не посмел: себе дороже.

Дабы гости не смеялись над его ошалелым видом, Берд попытался изобразить радушного хозяина и расставил на столе посуду, проникновенно заглядывая в лицо девушки, как бы предлагая: если он удерживает тебя силой, моргни три раза! Девушка моргнула все шесть, правда, заглядывая при этом в рот Леонарду с таким восторгом, что он начал ощупывать языком зубы, проверяя не застряло ли чего.

– Так вы, стало быть, подружка нашего тощака? – решил всё же уточнить Берд, никак не способный смириться, с тем, что то так, то эдак перекидываемая им со стороны на сторону льняная шевелюра не привлекает ни малейшего внимания новой знакомой.

– До последнего вздоха! – Пижма нежно впечатала голову дракона себе в грудь, стремясь видимо, приблизить его наступление.

– Любовь всей моей жизни! – согласно прохрипел Лео ей в декольте.

– О, я всегда знал, что ты тот ещё кобель! – закинул ногу на ногу Берд и добавил, заговорщицки наклоняясь к объекту внимания: – Не поверишь! Ни одной юбки не пропустит!

– Я?! – Лео так обиженно встрепенулся, что едва не обернул и скамью, и телохранителя.

Пижма, подавив смех, страстно понизила голос:

– Ну а как же? На такого мужчину просто невозможно не обратить внимания!

Берд недоверчиво надул пухленькие губки, облобызать которые мечтала каждая встреченная женщина. Каждая, кроме Пижмы, что неимоверно злило:

– Так как же вы встретились, друзья мои? – агент с готовностью набрала воздуха в грудь, но хитрый Берд ткнул пальцев в Лео: – Расскажи ты, приятель! Уверен, это было необычайно романтично!

Лео ожидаемо замялся. Как у любого законченного романтика, у него в голове роился десяток несбыточных фантазий о встрече с той самой прекрасной леди, которым, ясное дело, мужчине не пристало ни с кем делиться, но найти среди них хоть одну реалистичную оказалось не так-то просто.

– Давай дождёмся твоих родителей, – потребовал отсрочки он. – Элла и Луис наверняка тоже с удовольствием послушают.

– Ну же, не жадничай! – настаивал Берд. – Я умру от любопытства!

– Любимый не хочет бередить мою рану, – Пижма потёрлась щекой о щёку Леонарда, мысленно убеждая себя, что делает это для роли, а не для того, чтобы успокоить растерявшегося парня. – Он спас меня от дракона.

– От дракона? – спросил-подтвердил Лео.

Девушка с вызовом подбоченилась:

– Да, от дракона.

– Да? – переспросил Леонард и, получив подтверждающий щипок ягодицы, утвердительно кивнул приятелю: – Да!

Пижма пустила слезу:

– Этот кровожадный и жестокий ящер, – пришлось наступить под столом на ногу Лео, чтобы ржал не так заметно, – похитил меня из родного дома и собирался… Собирался…

– Сожрать? – подсказал Лео.

– Растлить! – мстительно исправила Пижма.

Жестокий ящер слегка удивился:

– Правда? А драконы кого-то растляют… растлевают? Они же, простите, всё-таки животные.

– Вот уж не довелось узнать технических подробностей, – Пижма многозначительно сжала колено «возлюбленного», намекая на то, что, если ещё раз ляпнет подобную глупость, то растлит его уже она. И не факт, что не противоестественным образом. – Потому что мой герой успел вовремя!

– Гонишь! – вышел из образа красавца-соблазнителя Берт, загораясь искренним любопытством. – Наш Лео угробил дракона?!

– Ну не угробил, так…

– Задолбал, – подсказала бывшая жертва.

– О, я всего лишь вовремя оказался рядом! – Лео ответно сжал колено девушки, мол, и я не лыком шит. – Всё самое основное моя девочка сделала сама! М-м-ма! – чмокнул он воздух возле её щеки.

Берд непонимающе склонил голову, наставил мощный палец на Пижму, перевёл его на Леонарда, дважды вдохнул и выдохнул воздух, а потом захохотал так, что, казалось, потрескается расставленная на столе посуда. Наконец-то он нашёл подвох!

– Леонард! Неужто взаправду? Ну ты дал! Ну юморист! Дракона запугал! Бабу спас! Где ж ты нашёл такую? В городе никак снял, чтоб тебе подыграла? Не, ну хороша, не спорю. На наших вообще не похожа, да и не потрёпанная к тому ж! Ладно, считай, я впечатлился. Перепродашь девку потом мне на ночь?

Леонард искренне хотел остановить друга, попросить закрыть рот, пока не стало слишком поздно, но полуминуты раздумий оказалось более чем достаточно, чтобы вмешательство уже не понадобилось.

Пижма, не забыв ласково улыбнуться «нанимателю», преодолела расстояние до сельского красавца быстрее, чем тот успел выдохнуть очередное «ха», помогла ему в этом нелёгком деле осторожным, не слишком мощным ударом под дых и подцепила склонившегося мужчину двумя пальцами за ноздри. Склонившись над столом, Берд оказался достаточно близко, чтобы, торжествующе вздохнув, агент произнесла напутственную речь:

– Девушки – существа очень ранимые. Не стоит болтать при них первое, что придёт в голову. Это может очень сильно расстроить, а расстроенные мы частенько творим нехорошие вещи. Ты же не хочешь, чтобы я натворила что-нибудь нехорошее? – она чуть развела пальцы, норовя разорвать нос нерадивого комментатора надвое.

– Н-н-не-е-е-ет! – гнусаво проблеял он, бросая умоляющие взгляды на друга. Друг невозмутимо разглядывал носки сапог и практически незаметно торжествующе ухмылялся.

– Вот и ладненько, – Пижма отпустила захваченного с не меньшим удовольствием, чем освободился он, вытерла испачканную руку о его же грудь и, деловито устроилась в объятиях дракона, изображая, если не примерную жену, то хотя бы счастливую любовницу.

Обтерев рукавом потёкший нос, Берд, вопреки ожиданиям, не стал строить из себя оскорблённую невинность и спокойно извинился:

– Ты уж не обессудь. Кто ж в здравом уме подумает, что така краля нашему Лео за бесплатно досталась. Да и ваще холёная ты шибко. У наших баб руки мозолистые, морды – во! – как печёный пирог, а ты за родовитую бы сойти могла, кабы не…

– Кабы не умела вести деловые беседы? – кратко подсказал Леонард, заодно уберегая друга от очередной глупости.

Берд гыкнул, раскидывая кашу из котелка в тарелки: да, разумеется, он имел в виду именно это.

Стоило начать трапезу без хозяев дома, как они тут же вломились в помещение. Да не просто так, а с воплями, слезами и руганью.

Элла, не понимая, нужно ли утешать мужа, готовить тризну или хорошенько его отлупить, бежала впереди, разгоняя тормозящих любопытных и открывая двери. Следом несли нерадивого дровосека, умудрившегося спросонья свалить дерево так неудачно, что оно раздробило ногу. В лежащем, размазывающем по лицу сопли и грязь, Пижма с лёгкостью узнала давешнего жадного до драконьей крови обладателя тупого топора и, пока толпа шумно причитала у пострадавшего, предостерегающе стиснула плечо Леонарда:

– Валим отсюда!

– Ты что?! – искренне изумился он. – Нужно же помочь!

– Лёня, – Пижма поймала лицо дракона в ладони и заставила зафиксировать внимание: – Этот мужик вчера приходил по твою драконью задницу.

– Ну так он же не знает, что…

– Лёва! Он видел меня! Я ему бока намяла. Он точно знает, что я не невинная дева, которую нужно было спасать. Валим. Вот прямо сейчас. И лучше не только из села, а из этого края.

С ужасом она поняла, что действительно готова сбежать. С ним и прямо сейчас, пока рациональная часть агента Пижмы не напомнила про основных нанимателей, про счёт в банке, про иррациональность происходящего и родной, брошенный где-то далеко мир. Пусть только он согласится, пожалуйста!

Леонард осторожно отнял ладонь и легкомысленно, что никак не вязалось с твёрдым, уверенным взглядом, произнёс:

– Если бы я бежал каждый раз, когда случается что-то опасное, я бы пропустил очень много интересных вещей.

– Тогда почему ты оказался у чёрта на куличиках, в пещере и одиночестве? – разозлилась Пижма, словно получивший отказ на танцах подросток.

– У меня были на то причины. И они никак не связаны с риском для жизни.

– Ой, да какая разница! Я знаю этот взгляд, Леонард! У меня такой же. Ты не умеешь встречать проблемы, ты от них убегаешь. Ты живёшь здесь и делаешь вид, что тебе плевать на охотящихся на тебя селян не потому, что такой смелый, а потому что втайне надеешься, что когда-нибудь им хватит упрямства. И сейчас ты рискуешь жизнью не ради того, чтобы спасти этого идиота-дровосека, а чтобы наказать за что-то себя, – агент Пижма почти на сто процентов была уверена, что в сказанном нет ни доли личного. Просто жаркая речь, способная заставить этого упрямца включить голову. Почти на сто процентов. – Это глупо! Всего лишь сломанная нога. Перелом даже не открытый. Он вполне вылечится сам…

– До ближайшего лекаря сутки пути, – дракон обошёл заступившую ему дорогу девушку, – а я прямо сейчас рядом.

Пижма почувствовала, что челюсть оказалась значительно ниже своего естественного положения. Что за глупость творит этот недоделанный ящер? Неужели он правда не понимает, что заигрывает со смертью?

– Ну-ка стоять! – поймала он его тонкое запястье. Леонард уверенно вырвался, но остановился, давая ей последнее слово. Агент не знала, что сказать. Все аргументы, такие правильные и понятные, и так висели в воздухе, ничуть не мешая этому бесхвостому идиоту идти навстречу собственной гибели. Она сказала то единственное, что всегда помогало выжить ей. То, чем можно было успокоить себя, когда совершишь что-то нехорошее, то, что помогало ей ненавидеть себя чуть меньше, чем она заслуживала: – Люди – сволочи. Ты слишком им доверяешь.

– Зато ты не доверяешь никому, – Лео привычным движением изящно склонил голову, словно впитал этикет с молоком матери. – Кажется, мы отлично друг друга дополняем.

Пижма сидела у порога, подвернув под себя ноги, и краем уха слушала уверенные команды Леонарда за дверью, стоны раненого и причитания женщин, которых, как ни старались, так и не сумели выставить за дверь. Дурачок. Какой же он дурачок. Наивный, глупый и совершенно беззащитный. Ничуть не похожий на неё. Да и на всех, кого она знала прежде. Он не имеет права, не должен так бездумно доверять людям! Или, по крайней мере, рядом всегда должен находиться кто-то умный, рациональный, жестокий. Кто-то вроде неё. И это решение, как и каждое, которое она принимала с момента появления в Лимбе, удивительно, невероятно глупое.

Пижма достала из чашечки бюстгальтера мобильник. Мерцающая красным батарея вот-вот обещала сдохнуть и окончательно отрезать её от мира, в котором люди куда более адекватные, понятные и… неприятные. Она коснулась дисплея. Где-то за много километров от неё в кабинете председателя совета магов вспыхнул специально настроенный на технику из другого мира шар.

– Задание выполнено? – без приветствия поинтересовалось сероватое лицо Ювеналия на экране.

Пижма сжала зубы.

– Мне очень жаль, господин председатель, но задание оказалось невыполнимо. Вынуждена вернуть аванс в полном размере, ну и неустойку, если надо, с того же счёта снимите. Вы, кажется, неплохо приловчились колдовать с нашими банками.

Председатель поджал сухие губы:

– Это неприемлемо.

– К сожалению, ничего не могу поделать. Ваш дракон не желает со мной контактировать, не доверяет и вообще отказывается впускать в дом. Ночь у пещеры ночевала – не впустил. Сказал, что в курсе нашего коварного плана и охраняет все ценности куда лучше, чем мы можем представить. Так что нет, я не смогу выкрасть интересующую вас хрень. Очень жаль, но сотрудничество придётся прекратить.

Ювеналий устало потёр переносицу, словно подписывая отпуск нелюбимому, но нужному сотруднику.

– Боюсь, дорогая, вы не совсем верно поняли задачу. Вы исполните свои обязательства. Добровольно или нет, – это нам не так уж важно. В конце концов благородный Леонард не позволит попытавшейся защитить его невинной девушке сгнить в тюрьме, так Леонард?

Вдох застрял в груди у агента Пижмы. Многолетний опыт нипочём не позволил бы человеку подойти к ней со спины незамеченным, но в доме нестерпимо шумели, а Лео двигался так спокойно и легко…

Дракон стоял позади, глядя в мигающий экран телефона. Он слышал всё от первого до последнего слова. Нет, она ничего не должна этому растерянному, разочарованно глядящему на неё мужчине. Всего лишь работа. Только задание. Она ничего ему не обещала и ни разу не соврала. Просто умолчала информацию, не подлежащую разглашению.

Проклятье! Тогда почему же так стыдно?!

– Дорогая Пижма, вынужден пригласить вас в совет магов, – чуть сдвинул брови председатель. Он не спрашивал. И не предлагал. Лишь приказывал, понимая, что нарушить его волю пока не удалось никому.

Телефон завибрировал, выключаясь, но вместо того, чтобы потемнеть, экран загорелся нестерпимо ярко, переливаясь гипнотизирующими, на позволяющими отвернуться цветами. Синий, жёлтый, серебряный, снова жёлтый… Кирпичик в руке нагрелся так сильно, что, казалось, ещё несколько секунд и оплавится. А потом шар света полностью поглотил мобильник, держащую его руку и впервые переживающую настоящую телепортацию девушку.

Дракон остался стоять на месте, в бессильной ярости сжимая кулаки. Он не замечал, как впервые выросшие без стимуляции зельем когти протыкают кожу.

Глава 6. Принцессы, башни и прочие неприятности

– Врагу-у-у-у не сдаё-о-о-отся наш го-о-о-ордый Варя-а-а-а-аг! – фальшиво грохотало из-за двери темницы. – Щадить никог-о-о-о мы не ста-а-а-анем!

Петь Пижма не умела и учиться не собиралась, а щадить тюремщиков, обманщиков и просто неприятных типов из совета магов в её планы не входило тем более. Да, весь её боевой опыт против единого движения мизинца председателя оказался детской истерикой, да, её повязали в считанные секунды и да, сейчас, в окружении пыточных инструментов в стиле золотых лет инквизиции, она боялась как никогда. Но показывать это бывшим нанимателям не дело. Поэтому девушка лишь периодически сдувала прилипшую к холодному потному лбу прядь волос и продолжала вопить, с наслаждением отмечая, что у стражников уже час как должна была начаться мигрень:

– А где тут ваши кони? А подать мне сюда горящих изб в порядке очерёдности! Кто тут супротив русской бабы в честном бою выйдет? Всех, твари, порешаю! Тра-та-та-та-та!

Удостоенные чести охранять иномирную пленницу стражники страдальчески переглядывались. «Может, она случайно себе язык откусит?», – вопрошал умоляющий взгляд одного. «Ювеналий потом тебе голову откусит; тоже случайно», – безапелляционно отвечал другой. Приходилось попеременно затыкать уши воском, чтобы хоть немного отдохнуть. Провернуть этот финт сразу вдвоём никак не получалось: девчонка за дверью, кажется, того и ждала и, прикрывая скрежет металла немелодичным пением, начинала выкручивать кандалы. Дважды она чуть не сбежала, а один раз чувствительно приложила ныне одноглазого воина освобождённой ногой, поэтому охранники уже не пытались шутить или игриво предлагать заключённой поразвлечься. Они лишь тешили себя мыслью, что в застенках у председателя пленники долго не живут.

Помянутый всуе Ювеналий, будучи свято и небезосновательно уверенным, что промаринованные в пыточной пленники становятся более сговорчивыми, соизволил отвлечься от дел государственной важности, совмещённых с обедом, и спуститься проведать наёмницу.

Торопливо выковыривающие из ушей остатки воска стражники вытянулись в струнки, словно весь день только тем и занимались, что восхваляли работодателя, чудеснейшее место службы и сладкий, как пение соловья, голос заключённой.

– О-о-о-о, Макарена! – жизнеутверждающе донеслось из пыточной.

Председатель поджал губы: он ожидал, что стражники верно истолкуют его намёк о заботливом отношении к гостье и поучат её соответствующему поведению. В защиту охранников, они попытались, но Пижма оказалась не только говорливой, но и вёрткой, как уж. Покалеченный мужик в доказательство украдкой потёр не перестающую саднить повязку на левом глазу.

– Хорошо ли провела время наша подруга? – вездесущий Лоренцо влез впереди начальника, одёрнул сюртуки бойцов, проверил остроту их пик, уколовшись, хорошенько пнул и без того страдающего одноглазика, и протёр носовым платочком ручку двери, чтобы Ювеналий не дай боги не запачкался в подвалах.

Стражники хором отрапортовали «Так точно!», что с лёгкостью истолковывалось и как подтверждение и как отрицание, причём независимо от сквозящего в вопросе сарказма. Короче, выкрутились.

Дав Лоренцо возможность немного покичиться своей значимостью, старик оставил того вправлять мозги стражникам, а сам предпочёл воспитательную беседу с агентом Пижмой: общество куда более приятное, но не менее раздражающее.

– Приятного дня, дорогая!

– И тебе не хворать, старый хрыч! Я б тебе руку пожала, но, – Пижма позвенела кандалами, растянувшими её меж полом и потолком, – меня, понимаешь ли, сковывают обстоятельства.

– Ничего страшного, я не настолько щепетилен. Вид скованной, истекающей кровью или горящей на костре женщины меня ничуть не смущает, – настолько буднично сообщил Ювеналий, словно и не запугивал вовсе.

– Фигня вопрос! Меня тоже вообще не волнует, бью ли я морду здоровому мужику или поганому старикашке.

Старикашка морщинистым пальцем оставил полосу в копоти на щипцах, покоящихся («пока что, только пока что», – говорил весь его вид) у очага,

задумчиво размазал сажу по ладони и отряхнул.

– Так о чём мы? – словно отвлекаясь от тяжёлой думы, приподнял он седые мохнатые, как ножки паука, брови.

– Ты хотел предложить мне конфетку, если я прогуляюсь с тобой до белого фургончика, похотливый извращенец, – с готовностью напомнила Пижма.

– Да, конечно, – улыбаясь своим мыслям, словно не замечая демонстративно хамящую наёмницу, кивнул председатель. – Мы с вами так и не сумели прийти к соглашению.

– А вы умеете убеждать людей! – звякнула кандалами агент. – Прямо железные аргументы! Пада-бумс!

– Вы про, – старик замялся, – антураж? Прошу, не обращайте внимания! Предателям и глупцам всегда необходимо немного ознакомиться с альтернативой сотрудничеству. Я намеренно не приглашал палача. Уверен, у вас и без него достаточно опыта и воображения.

– У меня руки затекли. В остальном ваши игрушки ни в какое сравнение с эпиляцией. Делал когда-нибудь? Нет? О то ж! Вот где пытка! А эти ваши… Что это? Испанский сапог? Дыба?

– Железная дева, гаррота, фалака, медный бык, – с готовностью перечислил Ювеналий, указывая на приспособления, рассмотреть которые Пижма так и не решилась. Девушка только пренебрежительно фыркнула: хотели бы её запытать, уже бы начали! Наверное…

В жизни агента Пижмы складывалось немало ситуаций, способных здорово пощекотать нервы. Если напрячь память, то могла всплыть парочка уж очень похожих на ту, в которой она оказалась сегодня, но ни разу беззащитность не ощущалась так остро, не щекотала под кожей маленькими лапками, не заставляла кровь отливать от губ. Она боялась боли, конечно, боялась. Как и все. Тот, кто кичится отсутствием страха, либо отъявленный лгун, либо невыносимый глупец. Но каждый раз, когда боялась, она понимала, что противник – тоже. Никто не хочет угодить в тюрьму, нарваться на мстительного напарника (если бы он у неё имелся), оказаться по ту сторону дула пистолета. В конце концов,

чтобы отнять жизнь, тоже нужна смелость, и многие, очень многие, кто хотел, не находил её в себе.

Председатель совета магов наслаждался. Как маньяк, ушедший на пенсию и лишь перебирающий «подарочки» своих многочисленных жертв, уже знающий, что никто и никогда не сумеет найти на него управу, уверенный, что каждое его действие – есть закон. На этот раз пленник и стражник не делили страх на двоих; на этот раз Пижма осталась одна и впервые поняла, что одиночество не желанно, что оно лишь пустота. Пустота, в которой нет ни звуков, ни запахов.

– Так почему мы с вами не сработались, миледи? – Ювеналий задумчиво переплетал бледными пальцами нити плети с металлическими наконечниками. Наверное, он не станет ею пользоваться – не захочет мараться. По крайней мере, Пижма старалась думать именно об этом.

– Потому что ты – старый садист? – предположила она.

И правда, почему? Сколько раз она брала куда более опасные и менее чистые заказы? Сколько раз с лёгкостью подтверждала перевод и с той же лёгкостью тратила заработанные деньги? На этот раз денег предложили намного, намного больше, а задание – смех один. Обокрасть Леонарда? Да она сделала бы это ещё в школе, причём бесплатно, ради удовольствия! Пижма всегда любила подстебнуть какого-нибудь зашуганного наивного ботаника. Так почему пожалела на этот раз? Что такого в этом тощем, растрёпанном, искреннем мужчине, руки которого пахнут ромашкой?

Пижма сильнее закусила губу. Глупый парнишка просто чем-то не угодил старикану. Вот и всё. Мало ли, какие у них тут политические игры. А становиться пешкой агент не собиралась. В этом дело. Только в этом и всё.

– Мы ведь предложили вам огромные для вашего мира деньги…

– А для вашего это – колбасы купить. Я уже выяснила, какой у тут курс, так что не строй из себя благодетеля.

– Но вас же всё устроило, дорогая, – сухие пальцы перекатывали острый стержень, венчающий каждую из многочисленных лент плети. Ювеналий не понаслышке знал, какие следы оставляет такая плеть, как легко она сдирает

кожу с одного удара, если правильно замахнуться. Почти так же больно, как острые грани камня, в кровь раздирающие спину прикованного к нему пленника, бьющегося в бессилии… Старик передёрнул лопатками, словно старые шрамы вновь начали болеть.

– Да пошёл ты, – сократила разговор Пижма. – Ты мне разонравился. Я имею полное право отказать работодателю без объяснения причин. Передумывать не собираюсь тем более, так что либо начинай БДСМ-представление, либо хорош строить из себя оскорблённую невинность и отправь меня домой.

Председатель наконец решился и снял орудие со стены, примеряясь, играючи хлестнул плетью по дыбе. На отшлифованном чужими страданиями дереве остались глубокие царапины. Пижма сглотнула слюну и закрыла глаза. Перед внутренним взором почему-то всплыл Леонард. И он улыбался: таинственно и ехидно.

– Разве я сказал, что хочу вас переубедить? – чтобы не испачкать волосы, старик собрал седые пряди и спрятал под воротник. – Мы просто развлечёмся, пока ждём. Леонард очень силён, но у него есть ужасная привычка. Вы наверняка уже поняли, дорогая. Есть предположения?

– Он не такая скотина, как ты?

– Стоило выразиться иначе, учитывая, что мы всё ещё находимся в пыточной, а вы до сих пор не хозяйка положения. Но да, дело в этом. Леонард слишком благороден. Он слышал наш разговор…

– И очень обиделся, – подсказала Пижма и злорадно добавила: – Боюсь теперь вы к нему вообще не подберётесь.

– О нет, дорогая. Теперь всё станет намного проще. Леонард обязательно явится вас спасать. Разве такой, как он, может поступить иначе? Но что-то он долго, не находите? Нашему, ох, простите! Вашему герою стоило бы поторопиться, если он хочет застать вас не покалеченной.

Ювеналий замахнулся.

Пижма зажмурилась.

В дверь робко просунулась голова Лоренцо.

– Господин председатель? – о, никогда ещё агент Пижма так не радовалась прерыванию аудиенции. Чувства палача наверняка были прямо противоположными, но он умело их скрыл.

Не изменившись в лице, Ювеналий медленно выдохнул, опустил руку и развернулся к подпевале, сияя улыбкой:

– Что-то срочное? Мы с нашей гостьей едва успели найти общий язык.

– Да, господин. Леонард прибыл.

Во рту у Пижмы пересохло быстрее, чем от вида рассекающей воздух плети. Лео явился? Какого?.. Зачем? Он же всё слышал, понял, что она его обманула и водила за нос! Неужели он и правда настолько благородный… благородный идиот?!

В самой глубине зрачков председателя, так глубоко, что менее хорошо знающий людей наблюдатель и не заметил бы, мелькнуло разочарование, но старик мгновенно взял себя в руки:

– Ведите её в большой зал. Туда же пригласите господина Леонарда. И выставь усиленную охрану к каждому из выходов, – подумав, распорядился он.

Железные оковы попытались заменить банальными верёвками, но спустя переломы двух пальцев и один серьёзный вывих охранники остановили выбор на тяжёлых кандалах. Намеренно громогласно звеня ими и изображая злокозненного духа, раздражающего хозяев апартаментов ночными бдениями, Пижма проследовала в комнату, где решалась её судьба. Когда дверь распахнулась, ей на долю секунды захотелось метнуться обратно в пыточную: всё лучше, чем укоризненный и обиженный взгляд, Лео, которым он смотрел на неё в последний раз.

Но Лео на неё не смотрел. Даже головы не повернул. Облачившись в вышитый каменьями камзол, который Пижма уже успела примерить и о назначении которого не удосужилась задуматься (мало ли какие тряпки валяются в пещере дракона? Может от вчерашнего ужина остались), он стал походить на… лорда? Аккуратно причёсанный, в идеально, чёрт возьми, начищенных сапогах, с прямой спиной, никак не присущей селянам или корпящим над книгами отшельникам, Леонард превратился в того, кем был рождён – в господина Леонарда. Почему Пижма не обратила на это внимания раньше? Столько намёков, столько деталей… Да и имело ли это значение? Председатель горько ошибся. Если бы заботливый дракончик Лео, перетерпев обиду, и захотел спасти нерадивую охранницу, то от благородного господина подобной милости ждать не приходилось. Да что это с ней? От мужчин вообще глупо ждать помощи! Это она опростоволосилась, расслабилась и потеряла бдительность!

Леонард изящным движением поднёс к губам кубок, но не сделал ни глотка.

– Вы считаете уместным держать женщин в оковах, господин Ювеналий? – искоса брошенный взгляд выглядел как приказ и… и Ювеналий послушался. Старик кивнул охранникам и те, бочком и внимательно следя за руками пленницы, освободили её от оков. Пижма тут же вмазала ближайшему с кулака, а Лео невозмутимо продолжил: – Я очень разочарован положением дел в совете. Быть может, мне не стоило отказываться от своей должности? Как думаете, Ювеналий, тогда порядок сохранился бы?

Лео легко откинулся на мягкую спинку огромного резного стула во главе длинного узкого стола. Казалось, ещё немного, и он демонстративно положит ноги перед лицом присевшего наискось председателя. Присевшего на куда более скромное место, отметила Пижма, явно не на то, к которому привык. Старик смиренно сложил руки на коленях:

– Уверяю, господин Ангуссон, порядок поддерживается тщательнейшим образом. Именно поэтому представительница иного мира ныне находится у нас. Она незаконным путём проникла на Лимб и, как уверяют наши информаторы, собиралась выкрасть вашу работу. Я счёл своим долгом защитить вас! Конечно, пришлось втереться ей в доверие, чтобы выяснить цель пребывания…

– Довольно, Ювеналий! Не порите чушь.

О чудо! Старик заткнулся, покорно опустив глаза. Пижма поёжилась, не решаясь встревать в разговор, с ужасом понимая, что председатель (всесильный, страшный, готовый запытать её до смерти председатель!) до ужаса боится тощего лохматого мальчишки! Её мальчишки, маленького дракончика, которого она пыталась защитить! О нет, Лео больше не походил на шаловливого мальчишку. Твёрд, как скала, уверенный в своём праве на занятое место, он не собирался считаться с чужим мнением. Он прекрасно знал, кто и почему ему врёт и лишь соблюдал видимость приличий, чтобы не нарушить хрупкое равновесие сил. Что за власть у него в руках? Лео сам говорил, что не умеет ни колдовать без артефактов, ни превращаться в дракона. Крошечный чешуйчатый монстр, по-кошачьи греющий её бок ночью, вряд ли в силах держать в страхе целый совет магов. Но почему-то держит…

– Это чистейшая правда! – горячо возразил председатель, искренне хлопая ладонями по столу, словно оскорблённая наседка крыльями.

– Эта женщина собиралась вас ограбить! Ваш проект…

– В полном порядке, – Леонард спокойно достал из поясного мешочка флакон алого зелья, с таким трудом созданного на глазах у Пижмы. Взгляды десятка охранников, прячущегося в тени Лоренцо и председателя скрестились на заблестевшей стеклянной крышечке, удерживающей огромную, до сих пор никому не доступную силу. Ради него всё задумывалось. Этого момента так ждал Ювеналий, и вот он: только руку протяни!

Лео со скучающим видом наблюдал за рубиновым напитком в бокале и, кажется, вовсе не интересовался происходящим, не замечал, как мелко жадно задрожали ручонки каждого, кто находился в комнате.

Ювеналий прочистил горло и подобострастно прошептал:

– Откуда мы можем знать, что это нужное вещество? Быть может, женщина ограбила вас и шантажирует. Представители Земли склонны ко лжи.

– Возьмите и проверьте, – равнодушно запустил склянку по столу дракон, словно подобные зелья на завтрак потреблял, а не рисковал жизнью и не потратил долгие годы на его изготовление.

Флакон исчез в складках туники председателя быстрее, чем пустивший восторженную слюну Лоренцо успел сделать шаг. Подхалим разочарованно вернулся в тень: он ведь всего лишь хотел помочь господину, дабы тот не таскался с лишней мелочью…

Выдержав паузу, в которой все трясущиеся коленки перестали трястись, а жадные лапки нырнули в рукава, Лео закончил:

– А женщину я забираю.

– То есть как это ты меня забираешь? – возразила Пижма прежде, чем успела сообразить, что больше всего на свете хочет покинуть это место. В том числе если сразу после окажется в таком же подвале, но в доме Леонарда, где он, разумеется, имея на это полное моральное право, будет её наказывать за преданное доверие. Как именно он должен был её наказывать в этих фантазиях, Пижма не решилась бы озвучить при свидетелях, но была очень и очень не прочь испробовать.

– Ты имеешь что-то против? – наконец поднял взгляд от бокала Лео. Улыбающийся взгляд, в котором не плескалось ни капли ненависти. Фантазия агента о страстном наказании разбилась вдребезги об идиллическую картину совместной прогулки за ручку по ромашковому полю.

– Может и имею! – фыркнула она. – Распоряжаются тут мною как кому угодно! А я, между прочим, самостоятельная женщина! – самостоятельная женщина рванулась доказать свою самостоятельность, но в спину предупредительно кольнули пики сразу трёх охранников, пресекая попытки демонстрации феминизма.

Леонард спокойно повернулся к председателю и подвёл итог:

– Бредит, – и с наслаждением добавил. – Испугалась, бедняжка. Я позабочусь о ней.

Ювеналий преобразился. Опущенные плечи снова распрямились, подбородок взметнулся вверх, нотки превосходства в голосе, уже прекрасно знакомые Пижме, рассыпались по столу горстью мелочи с барского плеча.

– Боюсь, это невозможно. Женщина всё ещё вне закона в Лимбе. Никто не взял за неё ответственность, никто из совета магов не поручится, что её пребывание в нашем мире безопасно для всех нас и, – он особенно подчеркнул последнее, – для вас в первую очередь.

– Не смешите меня, Ювеналий. Кому какое дело?

– Нам, – старик с достоинством выправил из-за воротника седые космы. – Совет магов следует букве закона.

– Никто уже не помнит этот закон! Ему сотни лет! – вспылил Леонард, едва не начав снова по-мальчишески краснеть, но выдержал паузу и, щедро плеснув в голос равнодушия, закончил: – Мы уже давно переросли старые времена. Никто не чтит тот дурацкий закон.

Ювеналий, потянулся, как сытый, любимый, наглый кот. Кости противно заскрежетали, но старика подобные мелочи не заботили:

– Кто-то должен чтить правила. Если за их исполнением не проследим мы, то не проследит больше никто.

– С каких это пор закон имеет для вас значение? – Леонард с горечью стукнул кубком о стол. Капли алого расплескались по идеально чистой поверхности.

– Во веки веков, – председатель склонил голову, с вызовом исподлобья глядя на соперника: что теперь ты сделаешь, юнец?

– Что ж, вы можете не беспокоиться по этому поводу, – отставив так и не опустошённый кубок, Леонард с неторопливым достоинством встал и, не обращая внимания на охранников, удерживающих пленницу пиками с безопасного расстояния, отведя пальцем чем-то помешавшее ему остриё, он взял руку агента и положил на сгиб своего локтя. – Закон ни в коем разе не нарушен: госпожа Пижма уже два дня как является моей невестой, поэтому ответственность за её пребывание в Лимбе берёт на себя род Ангуссон.

– Невестой?

– Невестой? – согласно изумились агент и председатель.

– Разумеется, любимая, – Лео свободной рукой обнял и прижал девушку к себе. – Бедняжка, всё из головы вылетело от волнения. Женщины – легкомысленные существа.

– Проклятье, да когда вы успели?! – рассвирепел Ювеналий, не забыв быстренько занять освободившееся сидение и сразу почувствовав себя увереннее.

– Молодёжь, господин, – вздохнул из угла Лоренцо. – В наше время они испорчены как никогда!

– И не говори, Лоренцо! – поддакнул Лео, сильнее прижимая к груди «невесту». – Стоило увидеть эти мускулистые руки, эти огромные ладони…

– Нормальные у меня ладони! – попыталась высвободиться Пижма, но Лео держал крепко.

– Этот сладкий голосок! – добавил он, сильнее вдавливая её носом в царапающиеся камни туники. Охранники шумно заржали. – Я сразу понял, что не смогу прожить ни дня, пока не прильну губами к бледным навершиям её грудей!

– Чего? – ошалела Пижма.

– Кого? – покраснел Лоренцо.

– Зачем?! – на старости лет подзабыл Ювеналий.

Охранники предпочли тактично помолчать, но фразу запомнили, чтобы применить во время отгула, раз уж действует.

– К бледным навершиям её грудей! – раздельно и погромче повторил Леонард, чтобы все услышали. Даже не покраснел, скотина!

Председатель помотал седой головой. Его, конечно, застали врасплох, но он считал, что до старческого маразма покамест не дожил, а потому оставаться

облапошенным везучим юнцом в его планы не входило:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/taratorina_daha/davay-poigraem-drakon

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити